

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

9/1972

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРА

Е. В. Умнякова

ШАНДОР
ПЕТЕФИ

Е. В. Умнякова

ШАНДОР
ПЕТЕФИ

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1972

Умнякова Елена Владимировна

У54 Шандор Петефи (к 150-летию со дня рождения):
М., «Знание», 1972.

48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература». 9).

В брошюре рассказывается о жизни и творчестве великого венгерского поэта и революционера Шандора Петефи, 150-летие со дня рождения которого будет отмечаться всеми передовыми людьми мира в январе 1973 года.

7-2-2

8И

«С НАРОДОМ СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ...»

Труден, горек и прекрасен жизненный путь Шандора Петефи. Сражаясь за свободу и независимость Родины, двадцатилетний поэт пал в битве при Шегешваре 31 июля 1849 года. Буревестник, поэт и трибун революции, наложивший печать своей выдающейся личности на многие события истории, Петефи сделал так много, будто знал, что ему отпущен недолгий срок, и предчувствовал свою неминуемую гибель на поле брани.

Поэзия Петефи открыла новую эру в венгерской литературе, на долгие годы определив пути ее развития.

Приветствовать кочу я человека,
Умершего сто лет тому назад.
Двадцать шесть лет ему от роду было,
А Венгрии немало сотен лет,
В них затерялось множество поэтов.
Приветствую поэта я живого.

С оружием в руках, любви словами
Он звал грозу на головы врагов
Простого хлеба, роз простых.
Хочу прославить победителя тиранов
Благословенного народом стихотворца,—

(Перевод А. Тверского)

писал французский поэт-коммунист Поль Элюар, «как живого» приветствовавший Петефи в дни его юбилея.

За 150 лет, прошедших со дня рождения Петефи, он не затерялся в памяти людской, его стихи облетели весь мир, заговорили на множестве языков, далеко за пределами Венгрии разнося славу о Шандоре Петефи — поэте всемирном и глубоко современном.

* * *

«У прекрасной, огненной венгерской нации нет более великого сына, чем Петефи, — писал чешский поэт Ян Неру-

да. — И у ней не было дня счастливее, чем день рождения Петефи».

День, вернее ночь, когда родился Шандор Петефи, были не совсем обычными: маленькая степная деревушка Киш Кереш весело встречала новый 1823 год, и мяснику Иштвану Петровичу нелегко было уговорить повитуху прийти на помощь роженице. К счастью, повивальная бабка хорошо знала и любила тихую, болезненную Марику. Дочь сапожника словака, Мария Хруз до замужества жила в прислугах, подрабатывала стиркой белья, и только выйдя замуж за Петровича, не без труда научилась говорить по-венгерски. После родов она тяжело заболела, и к Шандору взяли кормилицу — венгерку Жужанну Куруц, которая научила мальчика венгерским словам, первым венгерским песням.

Малограмотный Иштван Петрович на собственном опыте знал, что «неученье — тьма». Почувствовав незаурядные способности своего первенца, он стремился дать ему хорошее образование и, разбогатев, смог послать сына в лучшие гимназии и лицей, доступные лишь для детей «избранных». К пятнадцати годам Шандор уже владел пятью иностранными языками, прекрасно знал современную литературу и античность, увлекался историей, легко делал переводы, писал стихи. Кажется, мальчик родился под счастливой звездой и жизнь радостно улыбается ему...

Но судьба щедро позаботилась о том, чтобы юный Петефи (тогда еще Петрович) собственными глазами увидел жизнь такой, какой она была в действительности, на себе испытал тяжелую судьбу простого люда, страдавшего от гнета австрийских чиновников и венгерских помещиков.

Потеряв национальную независимость в XVI веке, после столетия турецкого ига, Венгрия оказалась бесправным вассалом Габсбургской династии в лоскутной Австрийской империи. Искусственное онемечивание страны, полная зависимость от Вены, мешавшей экономическому и культурному развитию Венгрии, тяжелое положение крепостных, появление капитализма создавало предпосылки для развития национально-освободительного движения. В море крови потоплено антиавстрийское восстание Ференца Ракоци II (1703—1711), вздернуты на виселицу венгерские якобинцы (1795) — Мартинович и его товарищи. Государственным языком Венгрии объявлен немецкий и лишь с 1842 года — венгерский наряду с немецким. В этой обстановке даже борьба за венгерский язык, за национальную литературу превращалась в политическую борьбу против ига Габсбургов.

Гордость и самолюбие Шандора Петефи, убежденно считавшего себя венгром и рано осознавшего национальное достоинство, глубоко уязвлено. Двенадцати лет он

всячески отлынивает от занятий немецким языком, хотя уже прилично владеет им. Так начинается первый, по-детски наивный бунт Шандора против австрийцев.

Однажды, во время наводнения, бурный разлив Дуная смыл с лица земли домик Петровичей и его скот, кроме того, «друзья» не вернули ему долг. Человек честный, но не приспособленный к жестокой борьбе за жизненный успех, Петрович оказался на пороге нищеты и не мог помогать сыну материально. Шандор, к этому времени уже во многом переросший своих учителей, теперь вынужден был учиться «из милости», на казенный счет. А это было мучительно для гордого мальчика, самолюбие которого так легко было ранить.

Десять лет спустя в стихотворении «Первая клятва» он вспоминал, как опостылела ему в те годы гимназия:

Ученье было для меня тяжелой цепью,
Которая весь день на мне бречала.

Как я мечтал сорвать оковы эти,
Любой ценой хотел я их стряхнуть!
Я и тогда, священная Свобода,
Любил тебя с такой же, как и ныне
Все пожирающе дикой страстью.

(Перевод Л. Мартынова)

Шандор и раньше мечтал о нищей, но вольной и по-своему прекрасной жизни артистов и даже пробовал вступить в бродячую труппу, но каждый раз отец и учителя «вразумляли его» и возвращали на «путь истинный». Провал на экзамене по истории (в ее трактовке юный Петрович уже в 12 годы резко расходился со своими наставниками), оскорбительное письмо отца, возмущенного его плохим аттестатом, окончательно решили судьбу Шандора.

15 февраля 1839 года он отправляется в столицу, чтобы поступить в недавно открывшийся в Пеште Венгерский театр. Это был первый постоянный театр, с подмостков которого звучала не немецкая, а венгерская речь. Немудрено, что он как магнитом притягивал к себе Шандора, горячо любящего родное искусство. Вокруг этого театра, сыгравшего огромную роль в деле пробуждения национального самосознания, группировались передовые силы того времени: знаменитый артист Габор Эгреш, крупнейший поэт Михай Вёрёшмарти, драматург Эде Сиглигети, поэт и критик Йожеф Байза. Здесь Шандор увидел интересные, смелые для тех дней спектакли: тираноборческую трагедию Йожефа Катоны «Бан Банк», сатирическую комедию Гвадани «Пелешский нотариус», «Эмилию Галотти», «Короля Лира» и многие другие.

Но и здесь счастье не улыбнулось Шандору. Хотя он и числится статистом, но фактически оказывается на положе-

ния слуги, выполняющего мелкие, подчас унижительные для него поручения актеров: ему так и не удается получить даже самой маленькой роли. «О, божественное искусство, почему жрецами у тебя черти!» — воскликнет он через несколько лет, став уже знаменитым писателем и по-прежнему стремясь к сцене.

По настоянию родителей Шандор пытается продолжить образование, но вскоре ему становится невмогуту чувствовать себя «бедным родственником» в обеспеченной семье, и в надежде повидать весь мир он завербовался в солдаты. Но вольнолюбивая натура юноши не могла вынести палочной муштры, царившей в австрийской армии, особенно тягостной для Петефи из-за придирок капрала, возмущенного «дурной» привычкой Петефи «кропать стихи».

Где нельзя найти виновных,
Там солдат
По уставу безусловно
Виноват.
И заплатится тем паче рядовой,
Если он рожден с горячей головой.

(«Который стакан?» Перевод С. Маршак)

Тяжелая болезнь, угрожавшая смертельным исходом, — туберкулез, осложнившийся тифом, — прервала мучения Шандора: врачи освободили его от армейской повинности. Без гроша за душой, в рваной солдатской одежде, полуголодный, но счастливый странствует он по Венгрии, пробует учиться, потом снова присоединяется к театральной бродячей труппе. Нужда и лишения не сломили юношу: он по-прежнему верит в свое призвание, в высокое назначение Артиста и Поэта. Хотя Петефи удается получать лишь сравнительно небольшие роли, но уже в них он стремится отойти от общепризнанных канонов, модной в те годы «красивости» и передать суровую правду характера.

...Мальчишка
Осмелился постичь всю душу взрослых, став актером,
Осмелился он человека выражать.
Он, умирая с голоду, смеялся над небытием.

(Поль Элюар. Перевод А. Тверского)

Мнения очевидцев об игре Петефи очень разноречивы. Многие вспоминают, как он терялся на сцене, краснел и путал текст. Но, пожалуй, прав друг юности Петефи — крупнейший романист Мор Йокаи, который считал, что некоторые роли (например, шута в «Короле Лире») Петефи понял очень глубоко и верно. Однако игра Петефи, по-своему трактовавшего образ, не всегда доходила до зрителей, привыкших к шаблонам тогдашней сцены. А быть может, Петефи-артист, как и Петефи-поэт, на столетие опередил свой век?

Непризнанный актер, не раз освистанный на импровизированных подмостках, нищий поэт, Петефи с юных лет воочию столкнулся с изнанкой жизни. И все то, что передумал и переживал он в эти годы, скитаясь по родной стране, ночуя в деревенских корчмах, в избах бедняков, а то и под открытым небом, нашло отражение в стихотворениях. Восемнадцатилетний поэт смело рвет с высокопарностью классицистов, слащавой сентиментальностью модного тогда романтизма и с несвойственной литературе тех лет простотой, искренностью и задушевностью говорит обо всех своих радостях и злоключениях. Не стыдясь своей бедности, он подшучивает над ней и с мягким, теплым юмором вспоминает о том, как жестоко его избил сосед, как измучила солдатчина и странствования по Хортобадской степи, как обнищали родители, которым он не в силах помочь.

Впервые в венгерской поэзии появились степные табунщики и шинкарки, крестьянские парни и девушки, бетьяры¹ и деревенские пьянчужки, пытающиеся залить горе вином. Это был тот мир «отверженных», до которого редко снисходили даже наиболее прогрессивные из писателей. Крестьянскую лачугу, деревенскую корчму, повозку, трясущуюся по ухабистой проселочной дороге, курицу, оставшуюся едва ли не единственной кормилицей стариков, нельзя было встретить в поэзии тех лет: это казалось слишком низменным и «недостойным» ее. Петефи же немало не смущается смиренной прозой, подчас он словно бравирует своей «грубостью», говоря о вещах интимных и заведомо «неприличных».

Пусть будет наша жизнь
Мирная
Длинной, как колбаса
Жирная.

(«На пиршестве по случаю убоя свиньи».
Перевод Л. Мартынова)

или:
У тебя нежней, чем пух лебяжий, грудь.
Разреши на ней немного отдохнуть.

(«Хортобадская шинкарка». Перевод В. Левика)

Стихотворение «Хортобадская шинкарка» вскоре было переложено на музыку и стало народной песней. Известный собиратель фольклора Янош Эрдеи включил его в один из сборников вместе с стихотворением «Торг», к которому простой люд сам присочинил целую строфу, дополняющую Петефи. Стихотворение «Что катится по лугу?» вошло в сбор-

¹ Бетьярами часто становились крепостные крестьяне, сбегавшие от помещиков или от рекрутчины. Скрываясь в лесах, они жили разбоем, но грабили только богатых. Многие из них были бунтарями, стремившимися к социальной справедливости и помогавшими беднякам.

ник «20 любимых народных песен», вышедший в Киеве в 1899 году. И это было вполне закономерным: стихи Петефи и по форме, и по сути своей удивительно близки венгерским народным песням; читая их, невольно хочется петь.

Тонкий ценитель и знаток фольклора, собственноручно записавший несколько малоизвестных народных песен, Петефи нередко использовал фольклорные образы, эпитеты, сравнения и подчас даже вкраплял в свои стихотворения отдельные строки из народных песен. В 1843 году под общим заглавием «Народные песни» он опубликовал в журнале стихотворения «Адский пламень, черт рогатый», «Хлеб созрел на ниве», «Эх, ничто мне утешенье не дает», «Раз на кухню залетел я». Особенно близки фольклору застольные песни Петефи, в те годы воспринимавшиеся как пощечина «общественному вкусу». Их герой — веселый бродяга, которому нечего терять в жизни, но он умеет ценить земные утехи и сохранять присутствие духа даже при самых трагических обстоятельствах. И вместе с тем Петефи наделяет этот образ чертами наивного философа — эпикурейца и бунтаря, который не хочет примириться с тем, что «глупость рядит свою голову в шелк», а «золото» стало «морем», «где гибель нашли верность и честь, и еще корабли» («Что говорит мудрец?»). Бог вина объединяет истинных патриотов, скорбящих о былой славе Венгрии и мечтающих, чтобы вновь засверкала ее заря («Голоса Эгера», «Патриотическая песня»). Вино горчит, «не лезет в глотку», потому что в нем слезы о родной стране. А в стихотворении «Лукавый пьяница» герой уже открыто поднимает свой бокал против монархии:

«Дай, — думаю, — себе представлю я,
Что этот ковшик — сердце короля.
Пусть бы кровь злодею!» — И смешно:
Мой ковш — без дна, но выпил я вино!

(Перевод В. Левика)

Эти смелые тираноборческие стихотворения Петефи были написаны в ту пору, когда еще никто не смел усомниться в «законности» королевской власти, когда даже Вёрёшмарти, по праву считающийся «духовным отцом Петефи» и самым прогрессивным поэтом эпохи реформ, например, в стихотворении «Гимн» (созданном в том же 1844 году, что и «Лукавый пьяница») взывал к небесам с мольбой возвысить королевское сердце и просветить его разум.

Крупнейший венгерский литературовед-марксист Йожеф Реваи назвал предшествовавшую Петефи литературу эпохи реформ «угрызениями совести дворянства». Да вряд ли она и могла быть иной: Австрия, державшая Венгрию на положении своей колонии, всегда жестоко подавляла революционные выступления лучших сынов эпохи.

В отличие от модной в начале века «изящной» салонной поэзии, отгородившейся от действительности глухими ставнями, Вёрёшмарти и поэты его круга вместе с политическими деятелями (Сечени, Кошут) реформистским путем пытались облегчить положение крестьян. Противопоставляя славному прошлому Венгрии, «счастливому раю предков» душевное убожество своих современников, они взывали к чести и совести некогда могучего венгерского дворянства, искренне надеясь, что оно «образумится». Однако их сочувствие народному горю было лишь участием гуманных дворян, отделенных от народа большим или меньшим, но всегда почтительным расстоянием.

Заметную роль в демократизации тематики венгерской литературы сороковых годов сыграла и так называемая «народная пьеса» (комедии и драмы Э. Сиглигети). Выводя на сцену героев из народа, авторы этих пьес обычно изображали их романтически идеализированно, стилизованно и поверхностно. Хотя в своих лучших драмах («Беглый солдат», «Табунщик») Сиглигети удастся отчасти преодолеть романтическую стилизацию «народной пьесы», однако и он не всегда подымается до реалистического изображения действительности и подчас одевает деревню в цвета ярмарочных медовых пряников.

Некоторые венгерские литературоведы (например, Пал Пайди) считают непосредственным предшественником Петефи непризнанного в свое время Витезя Михая Чоконаи (1773—1805) и венгерскую народную поэзию. Действительно, Петефи знал наизусть многие стихотворения Чоконаи, не раз упоминал его в своих произведениях и даже посвятил памяти любимого поэта некоторые из них. Чоконаи привлекал Петефи своей задушевностью и лиризмом, нехарактерными для литературы тех лет, а главное — своей удивительной жизнерадостностью. Одиноким, «скитающийся по Родине бедняк», он, как и Петефи, обошел пешком всю Венгрию, тщетно пытаясь найти постоянный заработок и добиться издания своих стихотворений. Его сатира «Мечтатель Темпефей или безумец тот, кто в Венгрии поэтом хочет стать», впервые изданная в 1844 году, заинтересовала Петефи не меньше, чем «Песни Лиллы», где любовное томление, горечь одиночества и разочарования в людях тесно переплетаются с протестом против социального неравенства и несправедливости.

Однако творчество Петефи, во многом развивающее уже заглохшие традиции Чоконаи и народной песенной поэзии, знаменовало качественно новую ступень. В венгерском фольклоре мы не встретим образа «лукавого пьяницы», несчастного, измученного жизнью бегляка, горемыки-пастуха, близкого стихотворениям Петефи «То не в море — в небе месяц плыв...» или «На осле сидит пастух». Многие стихотворе-

ния Петефи — невыдуманные жизненные драмы, сжатые в несколько стихотворных строк.

Все сказанное позволяет понять новаторство юного Петефи, выведшего венгерскую литературу на ту широкую дорогу, по которой она неминуемо должна была пойти — раньше или позже. Уже в его ранних стихотворениях народ впервые заговорил собственным голосом, обрел, наконец, свои, а не заимствованные слова, нашел все то, чем действительно жил, о чем думал и мечтал. У Петефи не было и не могло быть того барского заигрывания с народом, которое характеризовало некоторых собирателей фольклора, участников нашумевшего в сороковые годы конкурса о «национальном и народном в поэзии». В его стихах не было сентиментального сочувствия народному горю или любования венгерской экзотикой, словом, тех «народных кулис» его старших и младших современников, у которых крестьяне представляли вымыслами, причесанными и наряженными в праздничные национальные костюмы. Этот «народный фон» и не был нужен Петефи: он сам с юных лет с головой окунулся в «море крестьянской бедноты, которое приняло его к себе и теперь бросало с волны на волну» (Д. Йеш).

В своих песнях и стихотворениях Петефи умел воплотить всю палитру чувств — от нежности до гнева. Признаться в любви и рассказать о величественной красоте безбрежных просторов венгерской степи — пушты. Подшутить над своими огорчениями. Поднять бокал вина и дерзко выступить против монархии.

И в то время, когда нищий и бездомный поэт скитался по Венгрии, лишь изредка публикуя в печати отдельные стихотворения, песни его уже из конца в конец облетели всю страну, стали народным достоянием: ведь горе, в них выраженное, облегчало страдания, помогало подняться над своей бедностью, стать выше ее:

Кричит во мне, по-детски плачет боль,
Меня гнетет.
Я песни ей слагаю и пою, —
Пускай ухнет.

(«Песня». Перевод Л. Мартынова)

Это было одно из первых стихотворений, в котором поэт прямо заговорил об огромной радости, приносимой поэзией. Друзья Петефи вспоминают о той поразительной легкости, с которой он создавал свои стихотворения: после каждого из них он выглядел не уставшим, а окрыленным. И тем не менее Петефи видит в поэзии труд — такой же радостный и благородный, как любое другое «ремесло». Он часто говорит, что «сработал», «вырубил», «сделал» стихи. Юноша «рубит» их, замерзая от стужи в нетопленной мансарде, не зная, выжи-

вет ли в суровую зиму 1844 года. «Я дошел до крайней степени отчаяния и тогда, набравшись храбрости, пошел к одному из самых великих людей Венгрии, как игрок ставит на карту последние деньги, решив: жизнь или смерть. Этот великий человек прочел мои стихи, и по его рекомендации они были изданы «Кружком»; я вдруг обрел деньги и имя», — вспоминал Петефи почти сказочный поворот своей судьбы. Этим действительно великим человеком был Михай Вёрёшмарти, сразу же почувствовавший всю гениальность двадцатилетнего юноши и открыто назвавший его «первым поэтом Венгрии».

Ободренный поддержкой Вёрёшмарти, Петефи удивительно быстро создает две поэмы: «Сельский молот» и «Витязь Янош» (1844). В первой из них нарочито высокопарным стилем повествуется о драке в корчме из-за выдавшей виды пьянчужки-шинкарки, которую он иронически именует «прекраснейшей», «целомудреннейшей», «невинно-чистой Эржок, на чьих ланитах отразилось лишь пятьдесят четыре года». Откровенно симпатизируя своим героям: деревенскому кузнецу Фейенадо по кличке «Сельский молот», «водителю двух гнедых поповских» — кучеру Палко Чепю, сапожнику Шевровому и другим завсегдатаям корчмы, Петефи все острие своей сатиры направляет против салонной, джекклассической поэзии, в угоду моде сороковых годов обратившейся к приукрашенным «кулисам» народной жизни. «Высокий штиль» и избитые шаблоны пародийно переплетаются с бытовой лексикой и простонародными выражениями. Так, например, кузнец, чей сорокалетний возраст «утяжелая оболочка души», «варил похлебку мыслей в кастрюле головы», а затем мчался на свидание к «невинной Эржок быстрее, чем мчатся поросята, когда хозяйки кукурузу трясти выходят перед ними».

Зло имитируя штампы альковной лирики тех лет, Петефи заставляет церковного певчего обратиться к Эржок с тирадой, которую тот произносит «не высоким слогом, а на простом наречье чувства»:

Внимай: вот здесь, в часовые сердца,
Святым трепещет колыханьем
Свеча любви моей великой,
И верь, что этой свечки пламя
На пол-аршина подлиннее
Бессмертья! И пойми, что ради
Тебя пылает эта свечка,
О целомудренная Эржок.
И если ты не отзовешься
Своей ответною любовью,
То пламя сей свечи угаснет,
А с ним и жизнь моя угаснет!

(Перевод Л. Мартынова)

В каждой строке слышался громкий смех Петефи, откро-

венно издевающегося над незадачливыми ревнителями высокой поэзии.

Искренность, простота и непринужденность естественно, сами собой рождавшие почти фольклорную форму стиха, становятся творческим принципом юного Петефи. В одном из писем он называет высокопарность, напыщенность стиля «убогим одеванием попрощаек мыслей» и сравнивает одиозную мишуру с безвкусно разукрашенной старушечьей шляпкой, которая не к лицу молодой девушке. «Я никак не могу понять, почему некоторые даже незаурядные люди не знают, что простота — первое и самое важное правило, что люди, лишенные простоты, лишены всего. И пусть они не утверждают, будто их мысли столь высоки, что не могут быть выражены простыми словами», — пишет Петефи.

Почти одновременно с иронико-шутливым «Сельским молотом» у поэта зреет замысел народного эпоса — сказочно-героической поэмы «Витязь Янош». Первоначально поэма была названа именем героя — бедного деревенского парня Янчи Кукуруза — подкидыша, найденного в огороде. Но заглавие «Янчи Кукуруза» не понравилось издателю Имре Вахоту, и он предложил назвать ее «Витязь Янош».

В этой романтической поэме, по справедливому утверждению Вёрёшмарти «являющейся украшением любой литературы», картины реальной крестьянской жизни чередуются с фольклорными, сказочными мотивами, гармонически сливаясь в одно поэтическое целое. Окутываемый фантастикой, как волшебной дымкой, нравственно приподнимается, поэтизируется бедный крестьянский паренек — пастух Янчи Кукуруза. На глазах читателя он превращается в сказочного богатыря — легендарного витязя Яноша, побеждающего на чужбине несметные полчища врагов, гордо отвергающего царскую корону и руку прекрасной королевны ради своей многострадальной Родины, ради своей милой — деревенской девушки Илушки.

Вся поэма соткана из мотивов народной поэзии, и даже ее причудливая «география» (Франция, например, отделена от Венгрии океаном) отражает представление простого крестьянина, для которого за пределами родной души начинается совсем неведомый мир — эдакое «сказочное царство», известное лишь по наслышке от заезжего торговца — любителя прихвастнуть и загнать лишнее.

Своей поэмой Петефи открывает яркий, увлекательный мир народного эпоса, богатырской фантазии, утверждающей победу добра над злом, света над тьмой.

Петефи дружески улыбается наивной мудрости и оптимизму народной сказки. Но вместе с тем в поэме слышится мотив скованной могучей силы, грусть о том, что жизнь не сливается со сказкой. Ведь счастье и любовь возможны толь-

ко после вмешательства волшебных сил, лишь в сказочном царстве фей.

В 1844—1847 годах значительно усиливается социальный критицизм Петефи. Его политические стихи во многом подымаются над либерально-дворянским восприятием действительности, свойственным самым прогрессивным деятелям той эпохи. Ведь даже будущий вождь буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов, Лайош Кошут, несколько лет просидевший в тюрьме за радикальные политические взгляды, ориентировался на среднее и мелкое дворянство, считая его «краеугольным камнем отечества», «славным первенцем в кругу собратьев». Что же говорить о поэтах и политических деятелях эпохи реформ, возлагавших все свои надежды на «исконные родовитое», «прогрессивное» венгерское дворянство? Даже Вёрёшмарти, взывая к гуманным чувствам дворянства, в остро обличительном стихотворении «Что же мы делаем?» страшится народного возмездия, потому что не гоже мужику «косить господские борозды».

Для Петефи нация, родина — это истрадавший, но сильный духом венгерский народ («О, моя нация, венгерский народ!» — восклицает он в одном из стихотворений), дворянство же — объект презрения и сатиры. В стихотворениях «Дворянин», «Венгерцам за границей», «Венгрия» он гневно бичует «сливки общества» за тунеядство и жестокое равнодушие к судьбе народа:

Мне трудиться неохота.
Труд — презренная забота
Неотесанных дубин.
Я — венгерский дворянин!

Что? Отчизна оскудела?
Ну, а мне какое дело?
Без нее полно кручин!
Я — венгерский дворянин!

(«Венгерский дворянин».
Перевод Л. Мартынова)

Резкая антидворянская и антимонархическая тенденция творчества Петефи, его смелая защита человеческих прав простолюдина, гордость и независимость характера, а также личные выпады против бездарных, но весьма влиятельных салонных поэтов, — все это вызвало ожесточенную травлю поэта. Начавшись сразу же после выхода в свет его первого сборника, она не прекратилась даже после смерти поэта.

Пользуясь классификацией литературы некоего Густава Сонтага, разделившего поэзию на разряд «высшей» и «низшей» литературы, реакционные публицисты и поэты (Часар, Надь и другие) отнесли Петефи к самой низкой в те годы категории «народных», «крестьянских» поэтов. В одном из пам-

флетов, направленных против Петефи и возглавляемого им «народного направления», тень любимого поэта Петефи — Чоконан возмущается тем, как, злоупотребляя «искрой божией», он «обезображивает цветы поэзии».

Даже самые отъявленные реакционеры не могли отрицать гениальности Петефи: вначале они хотели лишь заставить его образумиться, стать умереннее. Мощными ударами отвечает Петефи на все эти нападки: он называет своих критиков «дрянными собаками», которые наживаются и наживаются чужими отбросами («О моих плохих стихах»), и открыто предупреждает, что его стихотворения — «не для мнительных ничтожеств».

Аромат мой для здоровых, —
Добрый люд мне шлет привет.
Я — безудержной природы
Дикий, вольный первоцвет,
А начнете задирать, —
Не смолчу я вам в ответ.
Я — безудержной природы
Вольный, дикий первоцвет.

(Перевод Л. Мартынова)

Многочисленные недруги Петефи продолжали «задирать» его. Они набросились на него, не брезгуя никакими средствами, чтобы очернить поэта. Сколько грубых и плоских насмешек было брошено в его адрес! Им удалось перегнуть на свою сторону и некоторых приятелей Петефи (например, друга детства Лайоша Себереньи), стряпавших против поэта самые гнусные обвинения.

Неожиданное предательство бывших друзей глубоко ранило доверчивого, искреннего Петефи:

Ведь слово «друг» звучит в наш век издевкой,
Оно пустой и глупый звук.

Где взять доверье? Не устанут
Мне люди лгать. Уж сколько раз
За жизнь мою я был обманут.

(Перевод Н. Чуковского)

Тяжело переживает Петефи неожиданную смерть 15-летней Этельки Чапо и создает цикл грустных элегических стихотворений «Кипарисовые ветви с могилы Этельки», в которых он воспевают несбывшуюся мечту о романтически красивой, большой любви.

Удары в лоб и из-за угла сыплются на Петефи один за другим. Цензурным комитетом отвергнута драма «Марци Зельд», на которую он возлагал большие надежды. Не выдержав потрясения, поэт собственноручно сжигает любимое детище. Немало горечи было и в его увлечении знатной кра-

савицей Бертой Меднянски, родители которой не желают иметь дело с «виршеплетом». В цикле «Жемчужины любви», посвященном Берте, поэтическое мироощущение Петефи несравненно сложнее, богаче и вместе с тем реалистичнее, чем в «Кипарисовых ветвях с могилы Этельки». Наряду с осознанием неполучившегося счастья, одиночества, неприютности, во многих стихотворениях цикла начинает звучать тема двух миров, разделенных непроходимой стеной, появляется предчувствие грядущих боев за Отчизну и образ Свободы, который ощущается физически, как реальность. Уже в те годы Петефи готов пожертвовать ради свободы любовью и личным счастьем. В одном из стихотворений цикла, «Война при-
снилась ночью мне...», мы читаем:

В день свадьбы, девочка, уйти на смерть, —
Да, правда, это жребий страшный!
Но грянет бой, и я уйду, поверь,
Как я ушел во сне вчерашнем.

(Перевод Н. Тихонова)

В 1845 году Петефи едет в деревню к родителям и здесь сталкивается с вопиющей нищетой, воочию наблюдает жестокие жизненные драмы. Всегда черпавший творческие силы в народе, идущей во всем «от земли» и вместе с тем необыкновенно чуткий к запросам времени, Петефи не может пройти мимо мук, которые молча сносит народ. Его энергичная натура, жаждущая активной деятельности и борьбы, не хочет примириться со всеобщей, как ему кажется, пассивностью в стране, с мрачным и сонным застоём деревенской жизни.

Отсюда несвойственные жизнерадостной натуре поэта мотивы скепсиса и разочарования, пронизывающие стихотворный цикл «Тучи», поэмы «Шалго» и «Пишта Силай». Гневным презрением звучат его строки против тех, кто, как казалось тогда Петефи, примирился со своей рабской долей. «Правда, ты спишь?» — горестно вопрошает он. Горизонт Петефи на время заволанивается мрачными, серыми тучами и в них еще не слышалось грома приближающейся революции.

Цикл «Тучи» состоит из 66 мрачных афористических стихотворений, полных горестных раздумий о смысле жизни. Вот, например, одно из них:

Печаль — это целое море,
А радость — жемчужина в нем,
Которую часто — о горе! —
Калечим, пока извлечем.

(Перевод В. Инбер)

Наряду с извечными темами (вероломство друзей и возлюбленной) в стихах поэта звучат и социальные мотивы: от-

сутствие элементарных человеческих прав, умственная нищета сильных мира сего, их жестокое равнодушие к судьбам народа.

Социальные, общественные идеи возникают у него даже в кошмарных картинах полусна, полубреда («Я сплю», «Мои сны»), в романтических страстях, мотивах справедливого возмездия поэм «Пишта Силай», «Шалго» и романа «Вревка палача».

Петефи страдает от несправедливости не только как гражданин, но и как поэт. Свобода становится для него чем-то насущно необходимым, он пишет ее имя на всем, что видит днем и ночью:

А я во сне
Неволи цепь крушу в родной моей стране!

(«Сны». Перевод Л. Мартынова)

Но уже к концу 1846 года, вырвавшись из мрачной пучины «туч», в стихотворениях «Судьба, простор мне дай» и «Анталу Варади» Петефи заявляет о себе как о сознательном революционере, окончательно порвавшим с краснбайским патриотизмом либералов. В декабре 1846 года родилось стихотворение «Одно меня тревожит», в котором Петефи впервые подымает алое знамя мировой свободы и предчувствует тот близкий час,

Когда невольники-народы
Терпеть не пожелают боле
Постыдного ярма неволи
И выступят на поле брани
Под красным знаменем восстанья.

(Перевод Л. Мартынова)

В это же время по инициативе Петефи организуется «Товарищество десяти», резко выступившее против литературных канонов, за создание совершенно новой литературы, близкой и созвучной революционным устремлениям народа. Теперь Петефи уже не чувствует себя одиноким борцом во вражеском стане. Под влиянием Петефи известный романист Мор Йокаи обращается к народной жизни. Поэт Янош Арань, во многом развивая тенденции «Витязя Яноша», создает народный эпос «Толди», сделавший его имя бессмертным. «Музы вовсе не консервативные барышни — они идут в ногу со временем, а так как лозунг века: «Да здравствует народ!», то и музы спустились с аристократического Геликона и поселились в хижинах. Счастлив я, что тоже родился в хижине!» — радостно восклицает Петефи в одном из июньских писем 1847 года.

Возглавив журнал «Картины жизни» («Элеткепек»), Петефи вместе с Йокаи провозглашает его программой народ-

ность. «Мы любим народ, защищаем угнетенных, преследуем тиранию и сеем разум», — таков был девиз журнала «Картины жизни». Очень скоро Петефи превращает его в политическую трибуну «Молодой Венгрии», сыгравшей важную роль в подготовке буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов.

Когда-то Петефи мечтал, чтобы его стихи, вобравшие в себя всю боль, все горе простого люда, скрашивали его тусклое, серое существование. Теперь он хочет, чтобы они участвовали во всенародной битве.

И я участвую в сраженье.
Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них что ни рифма
И что ни слово, то — солдат!

Пускай в дерюге, а герои, —
Они дерутся до конца!

(«Герои в дерюге».
Перевод Л. Мартынова)

«И Я УЧАСТВУЮ В СРАЖЕНИИ...»

1848 год был годом европейских буржуазных революций, ломавших все препятствия на пути развития капитализма.

Революция 1848 года заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, совершили революцию...¹ В каждой стране революция имела свои конкретные задачи и формы. Революционная борьба в Венгрии сливается с задачами национально-освободительного движения. Она закономерно завершает «эпоху реформ» — двадцатилетнюю борьбу за экономические и политические преобразования, за относительную независимость от Вены; всячески тормозившую развитие капиталистических отношений. Все попытки буржуазно-демократических преобразований встречаются в штыки магнатами, защищавшими интересы Габсбургов. И все же дворянская оппозиция не решается на разрыв с Австрией, так как боится революционных выступлений крестьянства.

В 1847 году крестьянские волнения охватили многие села Венгрии. Все более энергичный характер принимала и борьба ремесленников с пеховыми ограничениями. Благодаря деятельности друга Петефи, Пала Вашвари, «Клуб молодых ремесленников и рабочих» тесно связывается со студенчест-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 301.

вом и передовой интеллигенцией — с «Молодой Венгрией», возглавляемой Шандором Петефи.

Противоречие между прогрессирующим развитием капитализма и разлагающейся феодально-крепостнической системой в обстановке жесточайшего национального гнета создало предпосылки для буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов. С 1840 года лидером либерального дворянства становится Лайош Кошут, в процессе борьбы занимающий все более левую позицию и постепенно солидаризирующийся с плебейскими массами, с революционной «мартовской молодежью». У народных масс были свои лидеры (Шандор Петефи, Михай Танчич, Пал Вашвари). В дни революции наиболее любимым и популярным из них становится Шандор Петефи.

Пророчески предчувствуя приближение революции, Петефи торопит события, бьет в набат, не в силах дожидаться, когда же наконец жесткий ветер революции перенесет в Венгрию пламя пожара («Жесткий ветер», «Смерть зимы», «Есть ли в Венгрии хоть горсть земли такая...», «1848»).

Вольность не дается даром, —
Чтоб владеть таким товаром,
Кровью платят, не деньгами...
Шей, жена, скорее знамя! —

(Перевод Л. Мартынова)

читаем мы в стихотворении «Знамя», написанном еще в январе 1848 года. Слегка варьируя рефрен (в венгерском тексте — изменение артикля), Петефи дает понять читателю, что его жена уже начала шить знамя борьбы: ведь оно может понадобиться очень скоро. Поэт готовится к всемирной революции, которая навсегда разорвет рабские цепи:

Настанет час великий, достославный!
Падет насилие и восстанет снова
Земля в красе расцвета своего.
О как прекрасны вольности солдаты!
Дай счастье им, свободы боже!

(«Италия». Перевод Л. Мартынова)

В эти бурные, прекрасные месяцы маленькие столики кафе «Пилвакс», где собиралась передовая молодежь, действительно становятся «столами общественного мнения». Здесь Петефи вместе с Йокан и другими членами «Молодой Венгрии» принимает самое деятельное участие в разработке важнейшего документа революции — «Двенадцати пунктов (Чего требует венгерская нация?)», призывающих низвергнуть крепостное право, учредить венгерское правительство, уничтожить цензуру и провозгласить равенство. Эти «Двенадцать

пунктов» должны были лечь в основу петиции королю, которую собирались подать сейму, огласив ее предварительно на многолюдном митинге 19 марта 1848 года. 13 марта Петефи написал для этого торжественного дня «Национальную песню». Вероятно, такая петиция ни к чему бы не привела: ведущие политики сейма боялись даже выносить «Двенадцать пунктов» на всенародное обсуждение. Но в тот же день по стране стремительно разнеслась весть о революции в Вене. «Мы совещались, что делать? Совершенно ясно было одно: надо действовать. И завтра же. Послезавтра, быть может, уже будет поздно», — пишет Петефи в «Страницах из дневника».

Утром 15 марта по городу двинулась демонстрация во главе с Петефи. Восставшие освободили политических заключенных, захватили типографию и отпечатали «Двенадцать пунктов» и «Национальную песню» Петефи, молниеносно распространившуюся по столице. В середине дня восставший народ — подмастерья, поденщики, крестьяне, приехавшие на ярмарку, студенты и представители интеллигенции — завладела столицей. С правительственных зданий были сорваны австрийские двуглавые орлы; по городу были развешены национальные флаги и портреты Петефи. В тот же день был организован комитет «Общественного спасения...», в руки которого перешла вся власть столицы. Сходные организации были созданы и в других городах Венгрии, где восставший народ стал проводить в жизнь «Двенадцать пунктов».

Подлинным вождем и трибуном 15 марта стал Шандор Петефи. Теперь он уже не чувствовал себя полководцем без армии: он вел на штурм не только отряд своих стихов, но и пеструю толпу «героев в дерюге», готовых верить ему свою судьбу и ринуться в бой вместе с ним.

Когда умело бы кичиться,
Кичилось сердце бы мое.
Ведь я возглавил это дело —
Звал молодежь и вел ее!

Одним вот этим днем великим
Вся жизнь увенчана моя!
Наполеон, моею славой
С тобой не обменяюсь я!

(«15 марта 1848 г.»
Перевод Л. Мартынова)

В эти великие дни «Национальная песня» поистине стала увертюрой революции, «Марсельезой венгерского народа» по меткому определению Ййеша. Молниеносно облетев всю страну, она тотчас же была положена на музыку тремя композиторами и в знаменательный вечер 15 марта пелась в Национальном театре. Рефрен стихотворения:

Богом венгров поклоняемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда! —

хором повторяемый многоголосой толпой, звучал как клятва и призыв к борьбе за народное дело. Пожалуй, в эти дни во всей стране было мало людей, чья популярность могла бы сравниться с популярностью Петефи. Его свободолюбие, его радостные гимны народу, равенству и братству, его горячая преданность делу революции — все это привлекало к Петефи симпатии простого люда, который видел в нем своего вождя. Всегда ощущавший себя в поэзии глашатаем нищего и мятежного народа, в дни революции Петефи становится трибуном и оратором. Говорят, что даже в его фигуре — худощавой, невысокой, но стройной и красивой, было что-то магнетическое, притягивающее. Современники Петефи не уставали удивляться тембру его голоса; казалось, в нем kloкотало и гремело мужество. Когда он чтигал свои стихи, затаенная сила этого голоса, лишенного какой бы то ни было «артистической школы», чувствовалась еще сильнее.

Это прекрасно понимали и сторонники соглашения с Венной, недаром в списке врагов Габсбургской династии имя Петефи шло почти непосредственно за именем Карла Маркса. Депутаты сейма, мечтавшие о «маленькой», «бескровной» революции, которая припугнет Габсбургов и заставит их пойти на уступки дворянству, готовы были на все, лишь бы заставить «нищего поэта» почить на лаврах и удовлетворяться земными благами. Меряя всех на свой аршин, они полагали, что ради славы он пойдет на компромисс с ними, представителями «законной власти», и даже послали к Петефи одного из бывших его приятелей с просьбой уговорить «утихомирить» народ, внимавший поэту с полуслова. Как плохо знали они характер Петефи, коли надеялись, что он станет разговаривать с незадачливым посредником! Петефи знал, во имя чего он живет и готов умереть.

Редко можно найти такое единство между человеком, поэтом и революционером, как это было в творчестве и в жизни Петефи. Он удивительно походил на свои стихи, и они всегда были автобиографичны. «Если Петефи призывал повесить королей, то, несомненно, сам дернул бы за ту веревку, на которой он болтался», — писал впоследствии поэт-революционер Эндре Ади. Он был одним из немногих, занимавшим в те годы верную и до конца последовательную позицию. Недаром Луначарский назвал Петефи «большевиком своего времени».

Мощный размах революционного движения заставил Вену пойти на уступки и 17 марта 1848 года Фердинанд I (он же венгерский король Фердинанд V) был вынужден дать согласие на создание первого венгер-

ского кабинета министров. Был опубликован указ об образовании «независимого и ответственного венгерского правительства» во главе с Лайошем Баттани. Лидер умеренных кругов дворянской оппозиции Баттани, как и большинство членов его кабинета, боялся решительного разрыва с Веной. Было создано даже специальное министерство по делам связи между Венгрией и Австрией, которое возглавил богатейший магнат — герцог Пал Эстергази, постоянно живший в Вене и самозабвенно отстаивающий ее интересы. Наиболее левым в правительстве был Лайош Кошут, занимавший пост министра финансов. Представители народа, и в том числе Шандор Петефи, не вошли в состав правительства.

Однако наряду с этим правительством, которому Петефи «не доверил бы не только Родины, но даже пса своего», известной властью в стране пользовались революционные комитеты «Общественного спасения». Но правительство Баттани сумело парализовать их деятельность, а впоследствии ликвидировать.

В публицистических статьях и стихотворениях весны — лета 1848 года Петефи еще пытается воздействовать на правительство и добиться от него решительных действий. «Кучер бьет лошадей не для того, чтобы они пали, а чтобы они быстрее шли», — читаем мы в его дневнике. Как-то раз Петефи даже врывается на заседание «независимого правительства», в бурном споре с Сечени и Баттани пытается уговорить их на создание регулярной народной армии. Но ему доказывают, что у Венгрии нет на это средств.

В стихотворениях Петефи все чаще возникает аллегорический образ бездействия, пытающегося задушить рожденную в боях свободу и связать крылья ее лучшим сынам — «мартовской молодежи». («К нации», «Довольно», «Мартовская молодежь»). Подчас в них слышится горестный вопрос, звучащий вызовом слишком пустословному парламенту — «Уже оковы ослабели, когда же их гнев твой разобьет» (стихотворение «Шумим, шумим») или откровенной издевки над ним («Вы ясно ли представили себе, какая вас работа ждет сейчас?» — стихотворение «К национальному собранию»).

Лирика Петефи, явившаяся поэтическим дневником революции, предугадала многие ее важнейшие события. Так, появление стихотворения «Магнатам» и ложного слуха, будто Петефи стоит во главе сорокатысячного крестьянского войска в Ракоше, ускорило отмену сеймом крепостных повинностей. Впоследствии этому действительно историческому событию посвящались главы романов (например, «Пожоньская легенда» в романе Ж. Морица «Шандор Рожа»), рассказы и стихотворения. Вот строки одного из них:

Им мнилось: слышен от Ракоша
И скрежет кос, и шаг повстанцев.
Сорокатысячное войско
Повстанцев, во главе — Петефи;

И не гроза, и не угроза;
А суд, и во главе Петефи,
А суд, и в нем судья — Петефи,
И это — приговор кровавый.

Почуяли в тот день впервые
Владыки нож у горла ржавый.
В тот день они освободили
Народ от крепостного права.

(Эмиль Мадарас.
«Сорокатысячное войско».
Перевод С. Обрадовича)

Стихотворение Петефи «Магнатам» построено на воображаемом диалоге простого люда, от имени которого выступает автор, с «баре-господами». Оно начинается с грозного предупреждения: перед глазами испуганного дворянства встает страшная картина неминуемого, казалось бы, крестьянского восстания. Однако в ходе развития действия происходит резкий сдвиг в настроениях автора: во имя национального освобождения Венгрии от австрийского владычества он уговаривает народ сдерживать свой праведный гнев и всем вместе бороться против ига Габсбургов.

Мы забудем муку тысячи годин,
Если нас, как братьев, примет господин,
Если он забудет о своих гербах,
Если подарит нам равенство в правах.
Завтра будет поздно, нынче — крайний срок.
Если вы с презреньем оттолкнете нас —
Пощади всевышний вас в последний час!
(Перевод В. Левика)

Такого рода воображаемый диалог — динамичный, насыщенный действием, очень характерен для стихотворений Петефи периода революции. В условно-диалогизированной форме построены даже названия некоторых из них («Что ты там делаешь, что ты там шьешь?», «Сколько недель миру?», «Что там за шумное веселье?» и др.). В отличие от напевных, мелодичных стихов его раннего творчества в стихотворениях 1848—1849 годов часто встречается ораторская интонация, речь, звучащая с трибуны всенародного митинга. Это своего рода публицистика, не утрачивающая живой образности, лирика, в которой неразрывно слились личные и гражданские чувства.

Стихотворения этого периода очень разнообразны и по форме, и по содержанию. Одинаково искусно поэт имитирует ритм народного танца («На смерть Рожавельди»), частушки («Что-то немец выдумал сегодня»), чеканную поступь воинов («В бою»), удары набата и барабанную дробь («Боевая песня»). Его стих пронизан стихией мелодии. При этом Петефи достигает подлинной виртуозности в выборе ритмического рисунка, органически слитого с образом. Вот, напри-

мер, аллегорическая картина взбунтовавшегося народа в стихотворении «Восстало море»:

Воя, качается хлябь,
Флот весь разворочен,
И опускаются в ад
Мачты и те, что висят,
Паруса клочья.
Ну, так беснуйся вовсю.
В небе уроком черти
Вечным, великим:
Хоть наверху корабли,
Волны внизу протекли, —
Все ж море — владыка!
(Перевод Н. Тихонова)

27 марта император фактически отрекся от данного ранее обещания о создании независимого Венгерского правительства и передал Венской дворцовой канцелярии руководство венгерской армией и распоряжение ее финансами. Народ вновь поднялся на защиту своих прав; на многолюдном митинге Петефи требовал создания народной армии и провозглашения Венгрии республикой. Напуганный король был вынужден издать новый указ, подтверждающий положение о независимом Венгерском правительстве и назначении Кошута министром финансов.

Антикоролевская, антигабсбургская тематика занимает все большее место в творчестве Петефи. Уже в своих ранних стихах готовый «пустить кровь» злодею-королю («Лукавый пьяница»), твердо убежденный, что коронованный владыка не должен считаться национальным героем («Хрен редьки не слаще»), в дни революции Петефи открыто заявляет, что время монархии кончилось.

Пусть еще он цел, ваш замок Мункач, —
Не страшат подвалы и петля!
...Что бы там лъстецы не толковали, —
Нет возлюбленного короля!

(«Королям». Перевод Л. Мартынова)

Стихотворения Петефи «Королям», «Готовься Родина...», «Австрия» были написаны в то время, когда в стране еще чувствовалось влияние так называемой «партии мира», стремившейся добиться уступок от Габсбургов путем дипломатических переговоров, когда правительство Баттьани оспаривало у Чехии «великую честь» принимать у себя императора Фердинанда, изгнанного восставшей Веной. Именно поэтому в стихотворении «Королям» Петефи, по его словам, еще «не провозглашал Республику... а только затронул эту идею, чтобы привыкали к ней. С моей стороны было бы безрассудным

требовать сейчас большего, но уже теперь говорить о Республике меня заставляет любовь к Родине и людям, даже если б это мне стоило жизни».

С болью в сердце понимая, что в народе еще жива вера в «добрых и справедливых» королей — борцов за свободу и независимость Венгрии, Петефи обращается к истории, клеймя презрением коронованных владык («Добже Ласло», «Хроника Ласло Куна», «Король и палач», «Бан Банк», «Королевская присяга»), Однако история всеми нитями тесно сплетается с задачами времени. Слова невинно казненного Ласло Хуняди: «Знайте! богомерзким клятвам королевским нельзя давать веры» — обращены к потомкам, звучат предостережением тем, кто верил Габсбургам и их обещаниям.

В декабре 1848 года, в дни вооруженной борьбы с Веной, Петефи уже требовал низвержения монархии («На виселицу королей!», «Лук мой славный», «Конт и его товарищи»).

Когда же, наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?
О, неужели я в народ мой не волью
Ненаскормленную ненависть мою?
Клокочет, как прибой, она в груди моей.
На виселицу королей!

(Перевод В. Левика)

Гневный трибун, «беспощадный» Петефи становится нежным и мягким, когда обращается к любимой женщине, друзьям и близким. В дни буржуазно-демократической революции, когда многие «певцы любви» стеснялись интимной лирики, Петефи во всеуслышание говорит о великой радости любить и быть любимым. В стихотворении «Мое сердце» он называет его тем прекрасным садом,

Где цветы и птицы,
Где любовь, печаль,
И рудник, в котором
Для мечей свободы
Добывают сталь.

(Перевод Н. Чуковского)

Стихотворения Петефи, посвященные невесте, а затем жене Юлии Сендреи («Люблю, люблю тебя», «Да и чему бы радовался я», «Как мне назвать тебя?», «Осенью вновь» и многие другие), по праву вошли в сокровищницу мировой лирики. Уже не романтическая мечта и тоска по любви, а сама любовь — страстная, добрая и всепоглощающая — согревает эти стихотворения, чуждые какой бы то ни было стилизации. С той же искренностью и непосредственностью, с которой в юности он говорил о своих чувствах к родителям

(«Неудавшийся замысел», «Побывка у своих»), Петефи вводит нас в душевный мир Юлии. Он ищет в ней друга, товарища и соратника в борьбе, умеющего противопоставить житейским невзгодам и лишениям преданность и смелость большого чувства.

Уже в любовных стихотворениях кануна революции («Осенний ветер шелестит», «Не понимает меня мир», «Напрасная тревога», «Достиг всего я») патриотические чувства Поэта и Гражданина словно раздвигают интимный маленький мирок, стены той комнаты, где «склонив на грудь усталую головку спокойно, тихо спит моя жена». А в дни революции поэт горюпит жену шить знамя борьбы («Пусть победа в это знамя влюбится и будет с нами») и с нетерпением ждет тот миг, когда сможет, наконец, ринуться в бой со своим паладом. («Жена и клинок»). Так шедевры интимной лирики становятся поэзией политической. Читая их, нельзя не подумать о том, какой сложный и сильный мир чувств стоит за каждым из этих стихотворений. Они написаны человеком, боровшимся за свой народ не только пером писателя, но и с оружием в руках. Потому-то и веет от них молодечьей удачей, дерзким насмешливым презрением к опасности и даже к самой смерти. Поэтому-то и стали они боевыми песнями и знаменами революции.

Еще в марте 1848 года Петефи чувствует себя бунтовщиком, громким криком предупреждающим об опасности, которая может угрожать завоеваниям революции. История подтвердила правоту Петефи: либеральному дворянству постепенно удается отстранить передовую молодежь, лишить ее ответственных постов и реальной возможности баллотироваться в парламент. Такая же судьба постигает и самого Петефи. В Сабадсалаше, где он должен был баллотироваться в Национальное собрание, местному священнику обманом удалось восстановить против Петефи крестьян и протащить в депутаты своего сына — глупого и чванливого Кароя Нада, после того как он (по словам Петефи) «ради интересов сына за ночь благословил народ двумя дюжинами бочек вина».

Провал его кандидатуры в парламент нанес поэту тяжелую, долго не заживающую рану. Неожиданно для себя самого он, любимец народа и его признанный вождь, вдруг оказался отброшенным враждебной рукой, почти лишенным возможности печататься и, как ему тогда казалось, принести реальную пользу Родине. Он глубоко страдает, видя, как с молчаливого благословения «независимого» правительства генерал Ледерер расстреливает демонстрацию передовой молодежи, как хитростью и подлостью отстраняются «Геркулесы действия» — лидеры левого крыла «мартовской молодежи», как дебатруется в парламенте вопрос о предоставлении Австрии 40 тысяч венгерских солдат для подавле-

ния революционной Италии. Мужество и эти страдания жили в Петефи рядом, и вместе с ними в его душе жила вера в грядущую победу и горькие предчувствия, что сейчас его Родина вновь может оказаться покорным вассалом ненавистных Габсбургов.

Так рождается мрачная и трагическая поэма «Апостол» (1848) — гимн борцу-революционеру, гибнущему на плахе во имя народа. Характерен и сам выбор героя: Петефи находит его не среди либеральной дворянской молодежи (как это было принято в то время), а в самой толще народной жизни. Сильвестр, подкидыш, воспитанный воров и вымогательницей-нищенкой, проходит через множество испытаний и унижений, прежде чем становится образованным человеком — нотариусом и публицистом. На глазах читателя этот характер закаляется и претерпевает сложную эволюцию — от первого бунта мальчика «на рассвете семнадцатого года жизни» до отказа умного, эрудированного юриста поступить в услужение к сильным мира сего и его смелых антимонархических выступлений.

По всей видимости, прообразом Сильвестра послужили современники и единомышленники Петефи, в частности, Михай Танчич, брошенный в тюрьму за свои революционные книги («Независимость Гуньи», «Народная книга»), а также сам Петефи, «энциклопедией идей» которого (по меткому определению Йеши) явилась эта поэма. В истории жизни Сильвестра мы встречаем много личного, выстраданного самим Петефи: странствование по стране, полуголодное существование в холодной мансарде, изгнание из деревни по наущению помещика и местного священника (здесь невольно напрашивается прямое сопоставление с событиями в Сабадсалаше). Дочь помещика, вопреки воли отца соединившаяся с Сильвестром свою судьбу, — несомненно жена Петефи, Юлия Сендреи, герой найден и крещен в канун Нового года, когда родился Петефи — в Сильвестров день и т. д. И тем не менее фигура Сильвестра еще не становится характером индивидуальным: это романтический, обобщенно символический образ революционера. В его портрете мы, разумеется, не узнаем ни Петефи, ни Танчича: чело Сильвестра — словно «книга, в которой все заботы мира записаны», глаза, проникающие в тайны будущего, — «две блуждающих кометы». Герой восстает не только против помещика и короля, но и против ночи деспотизма, косности и невежества.

Здесь мы наблюдаем характерное для Петефи и революционно-романтической поэмы той эпохи сочетание двух образных систем: реалистической и романтической, своеобразный сплав противоречивых на первый взгляд художественных начал. В мансарде Сильвестра, изображенной со множеством реальных деталей, обитает не только его

семья, но и Нужда с Добродетелью. Сама Тьма в тюремном каземате задрожала от гневных обвинений Сильвестра и т. д.

Но вместе с тем поэма «Апостол» пронизана чертами реализма. В реалистическом ключе развивается и ее антимонархическая линия: от первого утверждения Сильвестра, что «короли не боги, а только люди», до его покушения на короля и гибели на эшафоте:

Секира страшная блеснула,
Она блеснула и упала...
И голова скатилась наземь...
«Да здравствует король!» — вопили
Людишки возле эшафота.
И обезглавленное тело
Под виселицу пало в яму.

(Перевод Л. Мартынова)

Народ в поэме не поддерживает своего апостола — «великого человека и великого безумца», опередившего свой век. Простой люд изображен темной, покорной массой, слепо послушной помещику и королю. «Ребенок он еще, его обманывать нетрудно», — думает Сильвестр и дает себе слово всеми силами бороться за него.

Здесь, несомненно, чувствуется отголосок мыслей и чувств самого Петефи, глубоко травмированного выступлением пьяной толпы и провалом своей кандидатуры в Национальное собрание.

Вскоре Петефи вновь включается в борьбу. Он становится идейным вождем «Общества равенства», сыгравшего важную роль в развитии и углублении революции. Тесно связанное с трудовыми массами Пешта, оно организовывало и направляло их революционную активность. Это общество требовало смены реакционного министерства, пытавшегося добиться компромисса с Веной, и предоставления Кошуту права сформировать новое правительство. Деятельность «Общества равенства» значительно активизировалась осенью 1848 года, когда стали очевидны тайные намерения Габсбургов, стремившихся исподтишка задушить венгерскую свободу.

В конце сентября Вена назначила австрийского генерала графа Ламберга главнокомандующим венгерской армии. Ему были даны неограниченные полномочия и поручено разогнать Государственное собрание, а также вывести Кошуту из состава правительства. Вест о приезде Ламберга вызвала бурю негодования, в ту же ночь он был убит разгневанной толпой.

Именно в этот период возрастает роль Кошута, принявшего «вызов на отчаянную борьбу», воплотившего для своего народа «в одном лице Дантона и Карно»¹. В эти героиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 175.

ские дни, когда Венгрия смело вступила в бой с преобладающими силами Габсбургской монархии и мировой реакции, Петефи надевает воинский мундир и мужественно сражается в Трансильванской армии, возглавляемой польским революционером генералом Бемом. В промежутках между боями он создает стихотворения и боевые песни, вдохновляющие на борьбу и воспевающие героизм простого венгерца. «Лишь бедняк душой отчизну любит» — эти слова из стихотворения «Старый знаменосец» становятся лейтмотивом творчества Петефи, противопоставляющего мужеству простых солдат трусость, косность, а подчас и прямое предательство штабных офицеров и верховного командования.

Стихотворение «Старый знаменосец» посвящено отцу Петефи старому Иштвану Петровичу, вступившему добровольцем в прославленный своими решительными действиями батальон «красношапошников». Командир отряда назначил Иштвана Петровича знаменосцем, и старик крепко держал в руках святое знамя. Петефи гордится отцом, принимавшим участие в победоносном сражении с армией Елачица, и его сыновья гордость становится гордостью гражданина, восхищенного мужеством и патриотизмом простого люда, которому родина-мачеха не дала ничего, что бы стоило защищать:

Он своей землей назвать не может
Даже ту, где гроб его положат.
И, однако, он пронесит знамя
Пред отчизны лучшими сынами.

(Перевод Н. Тихонова)

В своих стихах («Уважайте рядового!», «Что тут за шумное веселье?», «Дядя Петер», «Секеи») Петефи говорит от имени солдат, а на войне ведет себя героически. Очень смелый человек, имевший полное моральное право написать «мадьяр — так значит он бесстрашен», Петефи становится тем человеком, к которому инстинктивно тянутся солдаты, когда им приходится туго, когда становится страшно под натиском преобладающих сил противника, брошенных на революционную Венгрию. «На нас полмира ополчилось», — с горечью пишет он в одном из своих последних стихотворений и в то же время гордо утверждает: «Я говорю, что победит мадьяр».

Генерал Бем, всеми правдами и неправдами пытавшийся оградить от опасности безрассудно смелого поэта, иногда отсылал его с поля боя с депешами. Так было и во время битвы при Шегешваре, где погиб Шандор Петефи.

Ни один человек не видел своими глазами, как был убит Петефи, никому не удалось обнаружить его трупа. Предполагали, что он был зарублен саблями или затоптан конницей в момент отступления и даже якобы похоронен живым. Та-

инственная гибель Петефи много лет волновала исследователей его творчества. Возникло несколько версий его смерти. Думается, что наиболее достоверна история, изложенная Дюла Ийешем в книге о Петефи. Он приводит донесение австрийского полковника барона Хейдте, внимательно следившего за полем шегешварской битвы и видевшего, как был заколот штыком гонец с донесением генерала Бема. Судя по описаниям Хейдте, это был Шандор Петефи. Рядом с донесениями были разбросаны какие-то листки, возможно, последние стихотворения поэта, так и не увидевшие своего читателя.

Еще задолго до того, как Ийеш опубликовал донесение Хейдте, поэт-коммунист Эмиль Мадарас создал взволнованное стихотворение о гибели Петефи и солдаге, нашедшем в канаве его ограбленное тело:

И листочки с песней чужестранной
Он собрал и, помолчав мгновенье,
На груди сложил их бездыханной:
«Стихотворец это, без сомненья»

(Перевод В. Бугаевского)

* * *

Венгерский народ не хотел примириться с мыслью, что его певец погиб почти юношей в самом расцвете своего могучего таланта. Одна за другой рождались легенды, будто кто-то видел Петефи в одежде лудильщика, бродячего цыгана, продавца орехов, прячущего в них свои крамольные стихотворения, арестанта, сидящего в австрийском каземате. И простой люд верил этим рассказам, верил потому, что в период жестокой реакции, наступившей после подавления революции, тысячи патриотов гноились в австрийских тюрьмах или были вынуждены скрываться и жить под чужим именем. Если даже богатейший магнат граф Дюла Андраши стоял под виселицей и лишь в последний момент получил помилование, а романист Мор Йокаи вынужден был писать под псевдонимом Шайо, то какая же участь могла ожидать самого Петефи? Люди верили, что Петефи жив, потому что им хотелось верить, будто ему удалось обмануть смерть...

«НО ЖИВ ПЕТЕФИ И ЖИВА СВОБОДА...»

С годами легенда о Петефи начала наполняться новым содержанием: народ верил, что поэт бессмертен, что в тот день и час, когда венгры пойдут в бой за свободу, он по-прежнему будет сражаться в первых рядах пером и саблей.

И там, где скачут взмыленные кони,
Гремят орудия, — где борется народ,
Там звучный голос Шандора Петефи
Свободы песнь бессмертную поет.

(Л. Беньямин. «Бессмертная свобода». Перевод В. Луговского)

И как всегда, Петефи был в первых рядах. Его стихи участвовали в каждом сражении, неся с собой радость борьбы и веру в непобедимость правого дела. Его голос — волнующий и страстный — вдохновлял в борьбе за Венгерскую Коммуну, и март — месяц, вошедший в венгерскую историю как «Месяц Петефи», — знаменовал победу венгерской пролетарской революции 1919 года.

Провозглашение Венгрии Советской республикой было встречено все-народным ликованием. Самые широкие круги интеллигенции, и в первую очередь писатели, выступили с энергичной поддержкой начинаний Венгерского Советского правительства, с признанием Ленина «великим учителем и для венгерской пролетарской диктатуры», как писал в те годы Лайош Биро.

Поэзия тех лет — это могучий стремительный поток, вбирающий в себя поэтов самых различных индивидуальностей и политических взглядов. К коммунистам (А. Комьят) присоединились не только социал-демократические и крестьянские поэты (Ж. Варнаи, А. Фаркаш, Л. Беньямин), но и поэты либеральные и даже буржуазно-радикальные (М. Бабиц, А. Пастор, А. Тоот). Всех их роднило восторженное принятие революции, к которой каждый из них пришел своим путем и воспринял по-своему, и близкая социальная настроенность.

Жадно улавливая черты нового, иногда с пророческой силой говоря о направлении развития общества и человека, они ищут новые изобразительные средства для воплощения в художественных образах неповторимо новых людей, чувств и ситуаций. Преодолевая засилье туманных образов и аллегорий, они стремятся, чтобы их стихи стали таким же поэтическим дневником Коммуны, каким были в революцию 1848—1849 годов стихотворения Петефи. Героика прошлого как бы подключается к современности и тем самым утверждается закономерность происходящих перемен: ведь за их осуществление отдал свою жизнь поэт:

Почву засеял ты искрами гнева —
Пламя сегодня взметнулось до неба.
Так же, как ты ненавидел когда-то,
Мы ненавидим дворянчика Пато,
Прихвостней барских, попа-лизоблюда —
Гнусных душителей бедного люда.
Ты воспевал мировую свободу —
Этот завет ты оставил народу.

(Ф. Мора. «Петефи наш». Перевод Н. Горской)

Боевые песни Петефи, его светлые гимны революции, народу, равенству и братству, его дерзновенные речи против дворянства, его жизнерадостность — все это делало великого поэта не только боевым соратником Венгерской Коммуны, но и родоначальником ее новой литературы, идущей по пути к социалистическому реализму.

Среди поэзии Коммуны был и революционный роман-

тизм Петефи. Правда, под широкими сводами романтизма в дни Коммуны сталкивались и уживались явления весьма разнородные, подчас противоречивые, однако в основе своей это был новый, революционный романтизм, ощущавший под ногами твердую почву современности. В нем не было и не могло быть того противопоставления прекрасной мечты жестокой действительности, как это подчас было у Петефи, не было и не могло быть трагически одинокого героя, не понятого народом и гибнущего в борьбе за него (поэма «Апостол», стихотворный цикл «Тучи» и др.). Мечта уже не уходила в мир сказки: революция приблизила недостижимое, сделала его полем деятельности для писателей и поэтов, мечтавших посвятить себя народу.

Поэт-гражданин, поэт-трибун, поэт-воин, Петефи становится высоким идеалом для писателей, в те дни проходивших школу общественного, гражданского служения. Всегда ощущавший себя в поэзии глашатаем нищего и борющегося народа, Петефи словно подавал руку уединенным певцам «чистой красоты», помогая им спуститься с Парнаса и окунуться в бурлящий людской поток.

Петефи посвящаются восторженные стихотворения известных (Габор Олах, Андор Халаши, Ференц Мора) и безвестных, порой анонимных авторов; персонажи Петефи и отдельные строки из его стихотворений, перефразируясь, вкрапливаются в художественную ткань произведений. Стихи Петефи исполняются со сцен и импровизированных подмостков, с лекциями «Петефи и революция», «Петефи и коммунизм» выступает крупнейший поэт тех дней — Дюла Юхас.

Робкий и застенчивый Дюла Юхас, скитавшийся по глухим провинциям в поисках заработка (а диплом учителя далеко не всегда предоставлял такую возможность), в 1918—1919 гг. фактически возглавляет культурную жизнь «второй литературной столицы» — города Сегеда. В многочисленных лекциях и публицистических статьях он требует новой культуры, новой литературы, проникнутой социалистическими идеалами, широко пропагандирует статьи Маркса, Ленина, произведения Горького.

Труд в его творчестве получает новое содержание. Он выступает как спаситель Вселенной («Знай, что движет труд твою планету»), знаменосец, «алый стяг» будущего.

Это светлое, оптимистическое мироощущение обретоено поэтом лишь в дни революции. Радость преодоления душевных невзгод отражается во всем, сливаясь с весенней синевой дней, шумом листьев, красотой родной Тиссы, лунным светом и стройным тополем. Тонко и незаметно переходит поэт от картин природы к миру своих чувств, словно боясь спугнуть прекрасное неосторожным прикосновением.

Ощущение гармонии и силы, безграничная вера в новое, в жизнь и себя, простого «рабочего культуры», наполняют стихотворения Д. Юхаса мажорным настроением, связывая воедино гражданскую, философскую и интимную лирику. Извечная тема счастья находит в его поэзии новое, революционное звучание. Романтический пафос отнюдь не исключает, а, напротив, обостряет внимание поэта к реальному миру.

Одной из ярких страниц венгерской поэзии явилась лирика Золтана Шомьо. В юности он находился под большим влиянием французского

поэта-декадента Бодлера и называл себя «проклятым поэтом». В его раннем творчестве преобладали зимние пейзажи и скорбные раздумья.

В дни революции Золтан Шомьо становится грибуном и агитатором. Его стихотворения 1918—1919 годов очень разнообразны по форме и тематике. Среди них есть и призывные, агитационные («Солдаты», «Большая бригада»), и мягкие, лирические, обращенные к любимой женщине, к природе, к детям («Какой год!»), и резкие, сатирические («Ради миллионеров»). Все они проникнуты светлым, радостным настроением и сознанием грандиозности происходящих событий. Даже личному, интимному поэту придает печать характерного, порожденного революционной действительностью.

Вместо прежней легковесности, нарочитого цинизма появляется душевная цельность, чистота и гармония чувств. В его стихотворениях чувствуется радостное удивление человека, впервые увидевшего, что жизнь может быть так прекрасна. Поэт гордится, что живет в такое неповторимое время и чувствует свою причастность к будущему.

Во многих стихотворениях З. Шомьо передает радость и красоту труда, веселого, праздничного, торжественного и настолько естественного, что он неразрывно сливается с алым майским рассветом — зарей нового дня. Символом этого нового дня в его поэзии выступает кузнец, рабочий с гигантским молотком в руках.

Поэзия не избегала изображения реального мира, напротив, она утверждала его в основных, определяющих моментах. Иногда романтический пафос заслонял характеры индивидуальные. Наряду с этим очень заметен и интерес к событиям дня и даже бытовым деталям. Романтика, таким образом, вмещала в себе черты реализма, тесно переплетаясь с ним, способствуя не только взлету романтизма, но и зарождению в венгерской литературе нового метода — социалистического реализма.

Таким образом, венгерские поэты развивали традиции Петефи на новой, исторически более широкой базе поэзии XX века (совершенно новое содержание в их творчестве приобретает пафос созидательного труда). Даже анализируя творчество поэтов, не прошедших мимо авангардистских и сюрреалистических исканий (Лайош Кашшак, Аладар Комьят), мы можем говорить о глубоком постижении ими творчества Петефи, об усвоении прежнего и выработке нового, целостного видения жизни.

В верности Петефи — поэту и революционеру — прячась в тяжелые дни испытаний, когда в боях с преобладающими силами Антанты венгерская Красная Армия потерпела поражение.

31 июля 1919 года, когда контрреволюция в Сегеде уже восторжествовала, тихий, «аполитичный» Ференц Мора прочел в рабочем клубе стихотворение «Петефи — наш», звучавшее прямым вызовом реакции:

Нет, ты не станешь ни светским, ни модным.
Был и пребудешь поэтом народным!
Нам твоя песня всех песен дороже:
Мы — твои братья, правнуки Дожи,
Жгли нас железом, стегали бичами,
Гибель стояла у нас за плечами,
Но все равно — через годы и пламя —
Мы повторяли: «Не будем рабами».

(Перевод Н. Горской)

Не в силах замолчать революционного звучания поэзии Петефи, буржуазные барды всех мастей пытались хитроумно фальсифицировать ее, сделать великого революционера «и светским, и модным»... и даже лицедеем, увлекшимся ролью народного вождя. Еще в начале века всем им отвечал гениальный поэт-революционер Эндре Ади. «Мертвые и живые, прожорливые ничтожества, писавшие о Петефи, стыдитесь! По-настоящему вы его не любили никогда! Петефи жил ради нашего поколения, ради нашей эпохи...» В статьях «Петефи», «Петефи-революционер», «Петефи не примиряется» Ади зло и остроумно парировал все удары настоящих и будущих фальсификаторов поэта. Он знал, что «Петефи не примирялся, Петефи не примиряется, Петефи принадлежит революции».

И действительно, с годами приемы фальсификации менялись, становились тоньше, изощреннее, подлее. Так, например, во время празднования юбилея Петефи в 1923 году, в дни жестокого террора фашистского диктатора Хорти, как это ни парадоксально, было перепечатано посвященное Петефи стихотворение Габора Олаха, написанное им в первые дни буржуазно-демократической революции 1918—1919 годов. В этом стихотворении были, в частности, такие строки: «Петефи! Мы знаем, что твой мятежный дух смотрит на нас и радуется». Каким убийственным кощунством к памяти Петефи звучали эти слова в те дни, когда лучшие стихотворения поэта были запрещены цензурой и артиста, посмевшего прочесть одно из них на юбилейных торжествах, арестовали!

Превознося тебя, тебя все глубже
хотят похоронить. Но ты лежи спокойно:
песнь вечная твоя — твоя Идея
не гаснет в гордых славленных сердцах.
Она защищена моей великой верой, —

(Перевод В. Корчагина)

писал в дни столетнего юбилея Петефи восемнадцатилетний Аттила Йожеф, присягавший святому девизу Петефи — «Всемирная свобода» — и «как стяг» склонявший голову перед памятью великого вождя и учителя.

В мрачные годы хортистского режима, когда писатели-революционеры были вынуждены эмигрировать, а те, кто остались в Венгрии, переживали глубокий духовный кризис (Д. Юхас, Д. Круди, Ф. Каринти, З. Шомьо), прячась от действительности в «башне из слоновой кости» (М. Бабиц, Деже Костолани) или приспособляясь к вкусам власти придержащих (Ференц Мольнар), Аттила Йожеф находит в себе мужество стать боевым наследником Петефи и развивать гражданственные традиции его поэзии. Уже стихотворе-

ния раннего Йожефа — «Не я кричу». «Марш молодых», «Демонстрация» — свидетельствуют о том, что он постепенно выбирается из орбиты модернистских течений и движется к реализму, а на смену анархистскому бунтарству приходит подлинная революционность. Правда, движение Йожефа не было прямолинейным, оно осложнялось экспрессионистскими и сюрреалистическими наслоениями. Подчас его неприятие буржуазного уклада выражено в гиперболизированных образах, движущихся метафорах. Даже зрелый Йожеф несравнимо мрачнее, сложнее, противоречивее Петефи. Он — «дитя земли и улицы», совсем другой, пролетарской эпохи. Но вся эта символика и аллегории пронизаны социальным звучанием, боевым духом Петефи.

Близок Йожефу лирический герой Петефи, на себе испытывавший голод, холод и нужду, писатель-борец, искренне и страстно заинтересованный в счастье обычных «маленьких» людей, готовый сражаться за них «пером и саблей». В не приметной глазу «мелочи» городского быта он видит трагедию нищеты, говорит о ней с болью и горечью, иногда чуть прикрытой шутливой усмешкой над своей бедностью.

Наряду с мелодичными, напевными стихотворениями, даже по манере близкими Петефи, мы встречаем у Йожефа и ту ораторскую дикцию, которая впервые появилась в венгерской литературе у Петефи, в дни революции. Но звучит она несколько по-иному: Йожеф словно говорит с трибуны грандиозного рабочего митинга. В самом языке стихотворений, включающем политические термины и просторечье, Аттила Йожеф выступает продолжателем Петефи, требовавшего демократизации поэзии, сближения ее с народным живым языком.

Так в годы, когда «капитал и фашистская власть обручились» (Йожеф) происходила передача революционной эстафеты, закладывались основы новой литературы и в поэзии, и в прозе.

В этот период непосредственным преемником Петефи в прозе становится самый крупный венгерский писатель первой половины XX века — Жигмонд Мориц (1879—1942), в жанрах новеллы, романа и драмы творчески развивший близкие ему традиции Петефи. Мориц заговорил о крестьянах тоном Петефи, без сентиментальной жалости и натуралистического огрубления как о людях, равных себе. Не идеализируя своих героев, Мориц вместе с тем открывает в них большое душевное богатство, «золото», скрытое в «грязи» собственных отношений (сборники рассказов «Семь крейцеров», «По-мадьярски», романы «Золото в грязи», «Барские затеи», «Бетяр»).

Мечтая стать «вторым Петефи», Мориц даже подписывает свою первую юношескую статью одним из псевдонимов

раннего Петефи и в дальнейшем не раз обращается к образу своего любимого поэта. В романе-эпопее «Шандор Рожа», посвященном освободительной борьбе 1848—1849 годов, Мориц создает запоминающийся образ Шандора Петефи. Осуждая некоторых деятелей революции за их непоследовательность и уступки дворянству, Мориц противопоставляет им высокую гражданственность Петефи, занимавшего единственно верную позицию. Во многом благодаря Петефи и возглавляемой им «Молодой Венгрии» победила мартовская революция, напуганное дворянство поторопилось «добровольно» отменить крепостные повинности и Кошут смог прийти к власти. Петефи — высшее воплощение народного подвига и народной души, поэт-гражданин, поэт-трибун, чьим творческим заветам убежденно следует сам Мориц.

* * *

В своей работе о Петефи А. В. Луначарский удивительно метко определил роль Петефи для всей венгерской литературы: «Петефи является ее безусловной вершиной. Долгое время вся венгерская поэзия, можно сказать, принадлежала к школе Петефи, и только с появлением модернизма и футуризма начал существовать некоторый откол, некоторый венгерский ЛЕФ, от которого многие поэты вернулись к Петефи».

Действительно, начиная со старших и младших современников Петефи — М. Вёрёшмарти (1800—1855), Я. Араня (1817—1882) — и вплоть до крупнейших поэтов нашего века — Э. Ади (1877—1919), А. Йожефа (1905—1937), М. Радноти (1909—1944) и ныне здравствующих Д. Ийеша (р. 1902), И. Шимона (р. 1926) и других — вряд ли можно найти поэта, в той или иной степени не испытавшего влияния Петефи. Он стал стрелкой компаса, указывающей путь к большой поэзии, к большой литературе, силой слова способствующей революционному изменению мира.

После освобождения Венгрии Советской Армией, когда венгерская литература, наконец, получила все возможности для благоприятного развития, поэзия Петефи играла важную роль в формировании нового человека, новой литературы, социалистическом преобразовании действительности. Именем Петефи были названы многие фабрики и заводы, школы, институты и сельскохозяйственные кооперативы. Его памяти посвящаются восторженные стихотворения (Дюла Ийеш, Антал Гидаш, Ференц Бениамин, Золган Зелк, Эмиль Мадарас и др.). Лучшие венгерские поэты гордо считают себя учениками Петефи.

Разумеется, здесь и речи не может быть о каком бы то ни было копировании, заимствованиях, механическом пере-

несении приемов: такой гигант, как Петефи, никогда и не смог бы стать эталоном для подражателей. Развитие традиций Петефи предполагает расцвет самобытной поэтической индивидуальности, выработку нового целостного видения жизни, творческое освоение животрепещущих тем времени. Это титаническая работа, доступная только подлинным талантам, но она необходима для постоянного возрождения искусства.

Читая Петефи и венгерских поэтов наших дней, невольно вспоминаешь слова Белинского, сравнившего великого поэта с солнечным лучом, озаряющим землю и возбуждающим заключенные в ней силы. А если этот луч разложить на спектры, перед нами возникает бесчисленное множество красок, оттенков, цветов. Самобытные, непохожие друг на друга дарования Дюлы Ййеша и Антала Гидаша, Иштвана Шимона и Ференца Юхаса, Йожефа Фодора и Михая Ваца, Габора Гараи и Имре Деро подобны цветам этого спектра. И каждого из них радует, что другой поэт говорит своим голосом, и без каждого из них была бы «песенка мирская на целый звук бедней» (И. Шимон).

Но значит ли это, что современные венгерские поэты прошли мимо модернистских увлечений, авангардистских исканий?

Огнюдь нет. Подчас процесс обновления начинался путанно, сложно, противоречиво. Взять хотя бы Лайоша Кашшака, по праву считающегося отцом венгерского авангардизма. Еще на рубеже двадцатых годов он создал свою школу (так называемые активисты, маисты — группа поэтов, объединившихся вокруг журналов «Ма» и «Тетт») и по сей день его творчество оказывает заметное влияние на поэтическую молодежь. Наряду с воздействием Петефи и Ади в творчестве Кашшака долгие годы определяющими были экспрессионистско-активистские черты. Пройдя едва ли не через все авангардистские течения, в пятидесятых-шестидесятых годах уже молодой поэт возвращается к смысловой поэзии, к образам, близким фольклору и поэзии Петефи.

Проблема традиций и новаторства в венгерской литературе весьма актуальна и не раз была предметом острых дискуссий.

На дискуссии, происходившей в Союзе венгерских писателей в начале шестидесятых годов, Йожеф Фодор, Шандор Чоори, Михай Ваца присоединились к мнению Шимона, считающего, что стремление быть «модерным» и необычным часто становится тормозом для формирования действительно самобытных поэтов. Выход из этого мучительного для многих тупика Шимон видел в творческом использовании опыта венгерской классической поэзии и в первую очередь насле-

дия Петефи, в котором каждый из поэтов может обнаружить для себя еще никем не найденные сокровища.

Разумеется, за сто тридцать лет, истекшие с тех пор, как были написаны первые шедевры Петефи, венгерская поэзия не стояла на месте. Она обогатилась новыми идейными и эстетическими ценностями, новыми способами точного, зримого воспроизведения действительности, новыми стихотворными формами. Революция Петефи в области стиха, на основе фольклора и живой разговорной речи открывшая новые ритмы и глубинные возможности поэтической речи, предоставила полную свободу в использовании музыкального богатства венгерского языка. А так как эти богатства неисчерпаемы, то, опираясь на принципы Петефи, источником новаторства которого явилась сама жизнь, поэты ищут свой ритмический ключ для решения актуальных проблем времени.

«Беря в руки стихи Петефи, не забудь: это путь к самому себе и к будущему», — пишет один из самых своеобразных венгерских поэтов — Ференц Юхас. Стихотворения Юхаса полны буйной образности, могучих контрастов, насыщены динамическими уподоблениями, столкновением противоречивых чувств и настроений. Он обладает редким умением видеть новые, смелые связи между далекими, непохожими друг на друга явлениями и событиями. Его яркие, неожиданные ассоциации в романтико-экспрессивной манере передают чрезвычайно интенсивное восприятие жизни.

Юхас — поэт доброго сердца и большого гражданского пафоса. Гневным предупреждением агрессорам звучат многие его произведения, где кошмарным видением проносится картина вселенной, изуродованной атомным взрывом («Ночные видения», «Огненная лилия»).

По мнению Юхаса, поэтические революции, не раз сотрясавшие западноевропейскую поэзию на протяжении полутора веков, не оказали на его венгерских собратьев по перу значительного влияния. В Венгрии каждый большой поэт в боях осуществлял собственную поэтическую революцию, говорит Юхас, тем самым подразумевая и свое, действительное самобытное и оригинальное творчество. И в основе этого новаторства всегда был гений Петефи, высокая гражданственность его поэзии: «Петефи — это революция и юность, самые прекрасные чаяния человечества».

Однако подчас усложненность стиха, излишние длинноты, увлечение Юхаса пестрой мозаикой эпитетов, ошеломляющим богатством образности затрудняет читательское восприятие его поэзии. Критики не раз упрекали поэта в излишней сумбурности, эстетических срывах, недостаточном четком социальном видении мира.

Говоря о непосредственных преемниках Петефи, обычно в первую очередь называют «живого классика» — семидесятилетнего Дюлу Ййеша, автора интереснейшей биографии Петефи, и еще сравнительно молодого Иштвана Шимона, пользующегося заслуженной любовью самого широкого читателя.

Шимон выступил в печати в начале пятидесятых годов (стихотворные сборники «Я — свидетель», «Зреющие дни»). Деревенский парнишка, только что окончивший университет, двадцатичетырехлетний Иштван Шимон, творчески воспри-

нял близкие ему тенденции Петефи и Ийеша. Его стихи сразу же заинтересовали гармонически-цельным, радостно-любовным и удивительно четким видением мира.

Высокая гражданственность, осознание своей ответственности за будущее на земле («Шуми же, лес!», «Бухенвальдская рапсодия»), стремление к философскому осмыслению действительности («Гимн разуму», «Нет, не довольно!») сочетается у Шимона с редкой задушевностью и лиризмом. Для Шимона, как и для Петефи, лирика — не только самораскрытие, не только разговор от первого лица. Рассказ о себе сливается у Шимона с рассказом о своих односельчанах, переживающих всемирно-исторический процесс ломки привычных устоев и инстинктивно, донельзя сердца, осознающих неизбежность и благодатность нового. И все эти сложные чувства оттеняются эмоциональной памятью человека, выросшего в деревне и на всю жизнь оставшегося в ней своим, красками, звуками и запахами деревенского детства.

Его стихи, воспевающие неброские, неприхотливые картины сельского быта даже по манере близки Петефи. Природа становится у Шимона действующим лицом, все в ней живет, дышит, все человечно. Клен вздрагивает, «как пес спросонья», луна, «как собак цепных», напускает мороз на «толпу подснежников», спешащих навстречу весне («Подснежники»). И вместе с тем поэт смотрит на природу глазами сельских тружеников и готов «восторженно отдать честь» «живым воинам» — кустам картофеля, кормящим миллионы людей («Цветы картофеля»).

Во многих стихотворениях Шимона мы встречаем реалистическое сближение поэзии и быта, в венгерской литературе начатое Петефи. Струя света, хлынувшая в темноту, ассоциируется у Шимона с убежавшим на плиту молоком, созвездия — со связками лукович, сплетенными заботливыми руками бабушки.

Своей структурой, интонацией, теплой лиричностью и редкой простотой стихотворения Шимона во многом напоминают Петефи. Никаких модернистических дерзаний, даже простота синтаксиса подчеркивает искусную безыскусственность формы. Но сколько нового, неповторимого скрывается за этой простотой и «традиционностью»!

Высокая идейность и искусная простота становится творческим кредо Шимона. «Если читатель не может воспринять стихотворение во всей его сложности, то это значит, что большую часть усилий поэты затрачивают впустую», — читаем мы в стенограмме одного из выступлений Шимона.

Пожалуй, Шимону кое в чем удалось предупредить повальную «болезнь» талантливой молодежи — модное увлечение «технической игрой». Примером для многих из них послужила высокая гражданственность самого Шимона, его

откровенная влюбленность в Петефи. Подчас Шимон выражает свои мысли при помощи текста любимого поэта. Такова, например, комедия Шимона «Сельский молот». Откровенно «подражая» Петефи и внешне заимствуя сюжет и приемы его одноименной комедии, Шимон создает глубоко новаторское произведение современной колхозной тематики. Глазами своих героев — простых крестьян — поэт смотрит и на произведения венгерской литературы, в остропародийной манере «Сельского молота» высмеивая литературные штампы. А какой трогательной любовью звучат стихотворения Шимона о Петефи (например, «Петефи у Аранья»), как тщательно изучает он судьбы наследия своего любимого поэта — «от джунглей до полюса», в том числе и последнего, русского издания Петефи (М., «Художественная литература», 1971), ставшего для поэта «своеобразной увертюрой», «отзвуком будущего, донесшимся с грядущей еще вершины» — юбилейного года Петефи!

«Мы — наследники Петефи», — гордо заявляет Шимон от лица многочисленной и разноликой гвардии венгерских поэтов. Большие, глубоко самобытные писатели сознательно и настойчиво обращаются к жизни великого поэта-революционера (беллетризированные биографии, созданные Дюлой Ийешем, А. Гидашем, исследования Л. Хатвани, П. Панди, Ш. Фекете, А. Диенеша, Ш. Лукачи, драма Л. Немета «Петефи в Мезерберени»), к сюжетам, темам и образам Петефи («Новый Ишток-дурачок» Ласло Герейеша), к интонациям и рифмам своего любимого поэта. «Созрев для книги, писатель обеими руками хватается за предшественников, если только умеет их найти», — пишет известный прозаик Лайош Галамбош в рецензии на книгу Дюлы Ийеша «Петефи». От лица собратов по перу Галамбош выражает глубокую благодарность Ийешу, который помогает талантливой молодежи (да и не только молодежи) найти своего подлинного учителя.

Преемственная связь Петефи с венгерской поэзией и прозой проявляется многогранно — в глубине социального анализа и романтическом пафосе новой жизни, в высокой гражданственности и патриотизме. Традиции Петефи не умирают, не прерываются, хотя связанные с именем Петефи представления о гражданственности и народности наполняются в наши дни совершенно новым содержанием.

«ПЕСНИ ШАНДОРА ЛЮБИМЫ И В ДУБРАВАХ БЕЛАРУСИ...»

За годы Советской власти Петефи обрел в Советском Союзе вторую родину: его книги заговорили на семнадцати языках СССР и издавались в общей сложности свыше сорока раз общим тиражом более миллиона экземпляров. Его стихи

переводили Исаковский, Левик, Мартынов, Маршак, Пастернак, Тихонов, Чуковский, умело передавшие все своеобразие Петефи и проявившие подлинное мастерство перевоплощения. «Наслаждаясь русскими ритмами переводов, невольно поражаешься тому, как верно и по содержанию и по форме большинство переводов. И сколько еще примеров, сколько потрясающих стихов мог бы я привести здесь для иллюстрации этих необыкновенных переводческих достижений!», — пишет венгерский поэт Иштван Шимон в рецензии на однотомник Петефи.

В России Петефи стал известен еще в пятидесятых годах прошлого века. М. Михайлов, В. Бенедиктов, А. Михайлов (псевдоним Шеллер-Михайлова) Н. Аксаков, М. Шелгунов, А. Плещеев, Я. Полонский, О. Михайлова (Чюмина), Н. Нович (Бахтин) сквозь все препоны и рогацки царской цензуры несли читателям огонь Петефи.

К числу наибольших удач этого раннего периода относятся переводы Михаила Ларионовича Михайлова — поэта-революционера, друга Герцена и Чернышевского.

Тонкий лирик и поэт большого гражданского пафоса, звавший в «честный и открытый бой» с тиранией, революционер, сосланный на каторгу в Сибирь за участие в составлении и распространении прокламаций, призывающих свергнуть самодержавие, Михайлов и как поэт, и как человек был удивительно близок Петефи. Внук крепостного крестьянина, кыргыз по происхождению, Михайлов был таким же гордым и независимым, таким же свободолюбивым и искренним, как Петефи. Как и Петефи, не признающий никаких компромиссов с сильными мира сего, всегда готовый идти в бой за свои убеждения, Михайлов погиб совсем молодым, не выдержав сибирской ссылки, и был похоронен на откосе, рядом с польскими революционерами. Царская цензура запретила публиковать некрологи о нем, и лишь Герцен в «Колоколе» поместил на первой странице статью о Михайлове под кратким заглавием «Убили».

Поэт некрасовской школы, в своем творчестве развивавший вольнолюбивые традиции Пушкина и декабристов, Михайлов отбирал для перевода только лучшие стихотворения идейно близких ему поэтов. Александр Блок называл переводы Михайлова «настоящими перлами поэзии», никем не превзойденными. Не удивительно, что Михайлов — единственный из переводчиков XIX века, чьи работы, выдержав испытание временем, включены в неоднократно переиздававшийся у нас сборник «Избранное» Петефи, Собрание его сочинений, подготовленное в пятидесятых годах издательством «Художественная литература» силами лучших советских переводчиков, и однотомник «Стихотворения, Поэмы», вышедший в 1971 году.

В 1861 году под псевдонимом С-п-ов публикуется первая серьезная статья о Петефи в журнале «Русское слово», в шестидесятые годы ставшем рупором передовых идей, боевым соратником журнала «Современник». Есть основание предполагать, что ее автор — прогрессивный историк С. Н. Палаузов, принимавший участие в болгарском национально-освободительном движении. Он пишет о Петефи на основании немецких, болгарских, французских и отчасти венгерских источников, так как, судя по статье, он владеет многими европейскими языками и, в том числе, венгерским. Сочувствие идеям венгерской революции 1848—1849 годов, ненависть к Габсбургам — душителям свободы болгар и венгров, преклонение перед Петефи — воином и певцом революции, глубокое знание и понимание его поэзии — все это делает статью одним из интереснейших историко-литературных документов этого периода. «Сын мясника, Петефи явился как в литературе, так и на поприще политических действий живым воплощением своего народа», — пишет автор статьи. Именно поэтому смог поэт ярче всех других выразить собой «народный характер мадьяр — живой, впечатлительный, свободолюбивый и воинственный. Он по преимуществу может называться народным поэтом Венгрии, и это доказывает той огромной популярностью, какую он приобрел между своими согражданами».

Особенно любопытен (хотя и во многом спорен) анализ поэмы «Витязь Янош», где судьба героев ассоциируется с историей Венгрии — некогда могучей, но задавленной, поработанной Австрией и, быть может, несколько поспешно делаются прямые политические выводы, направленные против Габсбургов.

Уже в 70—80-х годах царская цензура всеми силами пытается препятствовать публикации произведений Петефи, но еще не решается фальсифицировать Петефи, исказить революционное звучание его поэзии, как это имело место в Венгрии («Забыли дух его, хоть имя понимают, но этот дух живет, сердца он зажигает», — писал Юхас). И в России Петефи становится идеалом поэта-гражданина, трибуна венгерской революции, вызвавшей горячее сочувствие передовой общественности. Достаточно сказать о «деле Гусева и его сообщников», казненных или сосланных на каторгу за попытку перейти на сторону венгров, о дружбе Герцена и Кошута или, скажем, о Чернышевском, называвшем себя «другом венгров» и после поражения революции 1848 года с горечью записавшем в дневнике: «...победа над венграми при-скорбна».

Русским читателям, воспитанным вольнолюбивой поэзией Пушкина, Лермонтова и Некрасова, были особенно близки и дороги такие стихи Петефи, как «Любовь и свобода», «Же-

на и клинок», «Песня собак» и «Песня волков», «Поэту» и многие другие. Ведь по стихам Петефи — по ним одним можно понять, почувствовать и полюбить Венгрию — страну, близкую России по культуре, экономике и общественной жизни. К Петефи больше, чем к любому другому европейскому поэту, можно отнести слова Пушкина — «в мой жестокий век восславил я свободу», творческое кредо Некрасова — «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Мы найдем немало общих тем у Петефи, Пушкина, Лермонтова и Некрасова; сопоставление «Витязя Яноша» и «Руслана и Людмилы», сатирических антидворянских стихов Петефи и Некрасова может стать предметом целого исследования.

Не удивительно, что Петефи в первую очередь переводят поэты-демократы, которые больше всего ценят бунтарский, революционный дух поэзии Петефи и в его стихотворениях видят «как бы дополнение к собственным стихам. В них высказано то, чего не мог бы и не умел бы я высказать лучше и полнее» (А. Шеллер-Михайлов).

Для Шеллер-Михайлова, с детства изведавшего голод, холод, рабский труд, писавшего стихи урывками, а то и по ночам, не имея огарка сальной свечи, Петефи в первую очередь является выразителем революционных устремлений венгерского народа, который он горячо любит и уважает. «Петефи переживал с народом все политические и общественные невзгоды и тревоги сороковых годов, и это обстоятельство наложило особую печать на множество его произведений, которые с полным правом могут быть названы солдатами, быющими за волю своей родины».

Шеллер-Михайлов перевел около пятидесяти стихотворений Петефи, многие из которых в начале семидесятых годов были опубликованы на страницах журнала «Дело». После закрытого «по высочайшему повелению» журнала «Русское слово» «Дело» оставалось самым прогрессивным из журналов семидесятых — начала восьмидесятых годов, сочувствовавшим революционной деятельности народных и ведущих борьбу за реалистическое искусство. В этом журнале сотрудничали Писарев, Шелгунов, посмертно публиковались стихи и переводы М. Л. Михайлова, в частности, его перевод стихотворения Петефи «В кабаке» (1881).

В восьмидесятые-девяностые годы многие стихотворения Петефи публикуются либеральными журналами «Вестник иностранной литературы», «Семья», «Новый мир», «Вестник Европы», «Живописное обозрение», входят в антологию венгерской поэзии, составленную Н. Новичем (Бахтиным), анализируются в Истории всемирной литературы Зотова. Но, к сожалению, далеко не все переводчики поднимаются до уровня обоих Михайловых, и в своей антологии Н. Нович не без

основания предупреждает русских читателей о том, что Петефи «один из тех лирических гениев, которые бесконечно много теряют в переводе», потому что «он национален в каждом своем проявлении, искренен и своеобразен в каждой строке».

Из-за незнания венгерского языка Петефи переводят с немецкого и французского, подчас и не подозревая о том, как далеко сами эти переводы отходят от оригинала. Так, например, известен почти анекдотический случай, когда Петефи перевели с немецкого на французский, с французского — на русский, а с русского снова на немецкий. Один из венгерских переводчиков решил, что встретил в немецком издании стихотворение Петефи, ранее изъятые цензурой и, обрадовавшись, снова перевел его на венгерский. Так «родилось» «новое» стихотворение Петефи! Даже самым дотошным специалистам так и не удалось определить, что за стихотворение Петефи было опубликовано в русском журнале.

Нечто аналогичное произошло и с неплохой переводчицей и поэтессой Ольгой Чюминой (Михайловой), опубликовавшей в журнале «Вестник Европы» стихотворения Петефи «Я умереть хочу осенним ясным днем» (имеется в виду стихотворение Петефи «Если бы...») и «Я увидел во сне, будто вдруг предо мною» (по всей видимости — весьма вольное переложение мотивов «Апостола»). Неточность переводов возмутила Эндре Сабо — переводчика и популяризатора русской литературы в Венгрии, и он сделал свои замечания в письме к редактору «Вестника». Чюмина послала Сабо французский текст Петефи, с которого она переводила. Сабо убедился, что французский текст был искажен. После этого случая Сабо стал посылать Чюминой подстрочники стихотворений Петефи, и поэтесса использовала их в своей работе. За свои переводы с венгерского Чюмина была избрана почетным членом общества имени Петефи.

Пятидесятилетие со дня гибели Петефи было широко отмечено передовой русской общественностью, с глубоким уважением отнесшейся к памяти гениального венгерского поэта, чья короткая и яркая жизнь может быть «обрисована тремя словами: нищета, любовь и смерть за отечество». Петефи сравнивали с Пушкиным, Лермонтовым и Радищевым, называли «Тиртеем венгерских войн за свободу, наложившим на это народное движение печать собственной гордой, независимой личности». Фарисейски-помпезный юбилей поэта-революционера, ненавидящего Габсбургов, в «двуединой» Австро-Венгерской монархии вызывает у прогрессивных русских литераторов лишь скептическую усмешку.

В начале XX века стихотворения Петефи стали реже появляться в печати и, как правило, уже не сопровождались какими бы то ни было биографическими данными. И это не

случайно: ведь публикация стихотворений Петефи была боевым выступлением против реакции во всех ее проявлениях. Немудрено, что многие переводы Петефи так и не нашли своего издателя. «Я перевел значительную часть его произведений, но, по разным обстоятельствам, я могу напечатать только некоторые и далеко не самые яркие из них», — с горечью писал Шеллер-Михайлов в предисловии к собранию своих сочинений.

В госархивах Москвы и Ленинграда сохранилось несколько докладных записок цензоров, запрещавших публикацию стихотворений Петефи. Так, например, некто Свашковский возражает против публикации стихотворения «Узник», в котором он видит «предметы томления запертого в темницу борца за отчизну», а также стихотворений «Падшая», «Моя судьба», «Свет», «Зачем живу», «вследствие выраженного в них сочувствия к лицам, преследуемым законами страны и страдающим под гнетом правительства». «Биографию поэта как восхваление революционного деятеля, стихотворения как тенденциозные к напечатанию не допустить», — таково было «определение» (как тогда выражались) цензора. Целый ряд стихотворений Петефи искажается и «сокращается» цензурой.

До 1917 года в России в общей сложности было опубликовано около четырехсот произведений Петефи, т. е. примерно половина его творческого наследия.

* * *

Анатолий Васильевич Луначарский был первым из советских общественных деятелей и поэтов, покоренных «свежей стихией великого венгерца». Он перевел на русский язык целый сборник стихотворений Петефи, заинтересовавший широкого советского читателя. Особенно ценно предисловие Луначарского. Он увидел в Петефи предшественника пролетарской поэзии и удивительно точно и глубоко определил место поэта в венгерской и мировой литературе. Сравнивая Петефи с Лермонтовым, Байроном, Гейне, Луначарский прежде всего отмечает оптимизм и поразительную цельность Петефи — поэта и революционера, «большевика своего времени». «Петефи-человек из одного куска: это как бы одно горячее, ярко-красное поэтическое сердце... Петефи — весь радость, весь устремление вперед, если он скорбит, то и сама скорбь имеет в себе что-то здоровое и мощное». Луначарского восхищает эта поразительная способность поэта чувствовать себя счастливым даже в минуту жизни трудной: в голод и холод, под проливным дождем и на ледяном ветру, пронизывающем насквозь его рваный, весь залатанный старый

плащ; на поле брани и в толпе злобных завистников, возмущенных «мужицкой грубостью» его поэзии и «крайностью» политических взглядов.

В тридцатые — сороковые годы стихотворения Петефи переводятся уже с оригинала, публикуются многими журналами, входят в антологию революционной поэзии в переводах Зайцко. На украинском языке они издаются отдельным сборником в очень удачных переводах Леонида Первомайского. Крупный украинский поэт не знал венгерского языка, но в этой работе Первомайскому очень помог его старый друг — легендарный генерал Лукач (Мате Залка), влюбленный в Петефи и увлекший им Первомайского.

В 1942 году, когда большинство учреждений было эвакуировано из столицы, крупнейшее издательство страны — «Художественная литература», находившееся тогда в Красноуфимске, вместе с книжками советских поэтов выпустило небольшой сборник Петефи «Сорвем немецкий флаг». Так, в тяжелые дни войны Петефи сражался рука об руку с советскими поэтами, с советским народом.

После освобождения Венгрии советскими войсками, когда с каждым годом стали расти и укрепляться дружеские связи народов и литератур Советского Союза и Венгрии, настала необходимость в новых переводах, которые сделали бы Петефи органической частью нашей многонациональной советской культуры. В 1948 году, к столетию венгерской революции, выходит в свет объемистый том стихов Петефи «Избранное» в переводах лучших советских поэтов. Из старых переводов туда вошли лишь, как уже отмечалось, работы Михайлова и несколько стихотворений из советских журналов тридцатых—сороковых годов. Самобытные поэты — Поэты и Переводчики с большой буквы — они сумели сделать Петефи достоянием советской поэзии и вместе с тем донести в неприкосновенности все своеобразие национальной формы и неповторимость авторского замысла. А ведь это трудно, очень трудно! Петефи не так уж легок для перевода. Переводчик Петефи должен помочь нашему читателю встретить, ощутить неведомый ему мир, почувствовать уклад жизни старой Венгрии и страну в огне революции, народные образы, обычаи, — словом «лица не общее выражение», свойственное Петефи. Лишь простота и естественность, тщательность отбора лексических средств воссоздает в переводе, казалось бы, неуловимую (но прекрасно уловленную переводчиками) мелодию оригинала.

Не удивительно, что этот сборник, вышедший тиражом 20 000 экземпляров с талантливыми иллюстрациями художника Дубинского, был моментально раскуплен, и возникла необходимость в подготовке четырехтомного собрания сочинений Петефи.

Четырехтомное собрание сочинений Петефи вышло в Москве в издательстве «Художественная литература», в 1952—1953 годах. Это издание подготовили Антал Гидаш и Агнеса Кун (литературный псевдоним — Анна Краснова), много сделавшие для пропаганды венгерской поэзии и прозы и популяризации Петефи в Советском Союзе. Ими же составлено несколько однотомников «Избранное», сборники для издательств «Детская литература», «Художественная литература», для «Библиотечки «Огонька». А. Кун перевела прозу Петефи, А. Гидашем написаны предисловия к нескольким изданиям Петефи, множество статей в периодической печати и первая в Советском Союзе монография о великом поэте-революционере, выдержавшая несколько переизданий.

«Именно Гидаш, взяв на себя труд первопроходца, создал предпосылки для богатой и плодотворной работы над переводами стихов Петефи», — пишет И. Шимон в рецензии на один из сборников этого замечательного поэта.

С конца сороковых годов (столетняя годовщина гибели поэта) и вплоть до наших дней Петефи легко и победно «завоевал» одну за другой почти все наши республики. Его переводят и крупные поэты — «живые классики» (например, в Грузии — Григол Абашидзе, в Азербайджане — Зейнал Халил) и талантливая молодежь, чье оригинальное творчество формируется под большим влиянием Петефи (Эллен Нийт в Эстонии). Совсем молодая поэтесса, Эллен Нийт сумела сделать лучшие из эстонских переводов Петефи.

В каждой республике есть свой таджикский, молдавский, башкирский, литовский, грузинский Петефи, который в восприятии читателей обязательно похож на национальных героев этого народа.

Киргизу и якуту, туркмену и казаху, ранее знавшему о Венгрии лишь понаслышке, прочитав Петефи начинает казаться, будто когда-то, очень давно, он вместе с ним побывал в старой Венгрии, собственными глазами — пусть издали — увидел безграничные просторы пушты, корчмы и лачуги с аистами на крышах; вместе с Петефи пером и саблей сражался в дни революции, испытал радость борьбы за счастье народов и «стыд поражений, бегств позор».

Сбылось предчувствие Петефи: «в горах времен — столетьях» сама будущность на множестве языков вторит звукам его лиры.

И летят его творенья
Над земной зеленой ширью,
И звенят в степи мадьярской,
И звучат повсюду в мире.
Песни Шандора любимы
И в дубравах Беларуси.
Оттого к тебе, Кишкереш,
Всей душою вновь тянусь я, —

пишет один из многочисленных ценителей Петефи — белорусский поэт Петрусь Бровка. Так Шандор Петефи стал неотъемлемой частью нашей советской литературы, готовящейся встретить его стопятидесятилетний юбилей, как свой праздник.

СОДЕРЖАНИЕ

«С НАРОДОМ СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ...»	3
«И Я УЧАСТВУЮ В СРАЖЕНИИ...»	17
«НО ЖИВ ПЕТЕФИ И ЖИВА СВОБОДА...»	29
«ПЕСНИ ШАНДОРА ЛЮБИМЫ И В ДУБРАВАХ БЕЛАРУСИ...»	39

Елена Владимировна УМНЯКОВА

ШАНДОР ПЕТЕФИ (к 150-летию со дня рождения)

Редактор *Н. М. Краснопольская*
Худож. редактор *Л. С. Морозова*
Техн. редактор *Т. В. Пичугина*
Корректор *В. И. Гуляева*

А 08094. Сдано в набор 28/VI 1972 г. Подписано к печати 8/VIII 1972 г. Формат бумаги 60х90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,88. Тираж 131 040 экз. Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 1469. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 9 коп.

9 коп.

Индекс 70069